

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра русского языка, литературы и речевой коммуникации
45.03.01 Филология

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой РЯЛиРК
_____ И.В. Евсева
«__» _____ 2016 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

**РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С. В. ЛАВРОВА**

Выпускник

Е.В. Буркова

Научный руководитель

д. филол. н., проф. О.В. Фельде

Нормоконтролер

А.С. Белозор

Красноярск 2016

РЕФЕРАТ

Тема выпускной квалификационной работы – «Речевой портрет Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова», объем - 99 страниц, включая приложения (образцы текстов политика), список использованной литературы содержит 78 наименований.

Работа выполнена на стыке коммуникативной лингвистики и лингвоперсонологии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ, ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ, РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ПОЛИТИКА, С.В. ЛАВРОВ, КОММУНИКАТИВНАЯ СТРЕТЕГИЯ, КОММУНИКАТИВНАЯ ТАКТИКА, ДИСКУРС, ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС, АРГУМЕНТАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ, ИНФОРМАТИВНО-ИНТЕРПРЕТАЦИОННАЯ СТРАТЕГИЯ, СТРАТЕГИЯ СОЗДАНИЯ ПОЗИТИВНОГО НАСТРОЯ.

Настоящая работа посвящена изучению речевого портрета Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова.

Актуальным является изучение речевого поведения современных политических деятелей.

Актуальность данного исследования определяется необходимостью изучения речевой деятельности современного политика, чья профессиональная деятельность распространяется как на внешнюю, так внутреннюю и политику Российской Федерации; а также целесообразностью апробации существующих технологий речевого портретирования. Актуальность исследования обусловлена также необходимостью изучения тактик и стратегий политической речи.

Цель работы – проанализировать речевой портрет Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в лингвопрагматическом и лингвоаксиологическом аспектах.

Поставленная цель обуславливает решение следующих **задач**:

- 1) рассмотреть основные подходы к речевому портретированию в отечественном языкознании и раскрыть понятие речевого портрета;
- 2) выявить особенности политического дискурса;
- 3) выявить и охарактеризовать коммуникативные стратегии в публичной речи С.В. Лаврова;
- 4) рассмотреть особенности языкового выражения оценки в речи С.В. Лаврова.

В результате исследования были сделаны **выводы** о том, что в своей речи С.В. Лавров употребляет следующие коммуникативные стратегии: аргументативную стратегию, информативно-интерпретационную стратегию и стратегию формирования эмоционального настроения адресата. Стратегии реализуются с помощью следующих коммуникативных тактик: тактика иллюстрирования, тактика указания на перспективу, тактика контрастивного (сопоставительного) анализа, тактика признания существования проблемы, тактика разъяснения, тактика комментирования, тактика указания на путь решения проблемы, тактика выражения согласия, тактика комплимента и др.

В ходе проведенного анализа языковых средств оценки в речи С.В. Лаврова встречаются различные способы: лексическо-фразеологический, морфологический, синтаксический. Помимо этого, политик использует изобразительно-выразительные средства такие, как: ирония, оксюморон, метафора, паренимия и др.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕЧЕВЫХ ПОРТРЕТОВ.....	10
1.1. Антропоцентризм как ведущий принцип современной лингвистики...10	
1.2. Теоретико-методологические аспекты речевого портретирования...14	
1.3. Особенности политического дискурса.....24	
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1.....	31
ГЛАВА 2. КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ В РЕЧИ С.В. ЛАВРОВА.....	33
2.1. Типы речевых стратегий.....33	
2.1.1. Аргументативная стратегия.....39	
2.1.2. Информационно-интерпретационная стратегия.....48	
2.1.3. Стратегия создания позитивной тональности общения.....57	
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2.....	60
ГЛАВА 3. СРЕДСТВА ЭКСПЛИКАЦИИ ОЦЕНКИ В РЕЧИ С.В. ЛАВРОВА.....	61
3.1. Типы оценок и языковые средства экспликации оценки.....61	
3.2. Языковые способы выражения отрицательной оценки в речи С.В. Лаврова.....65	
3.3. Языковые способы выражения положительной оценки в речи С.В. Лаврова.....73	
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3.....	79
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	80
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	82
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	89

ВВЕДЕНИЕ

Идея исследования языка и речевой деятельности отдельного человека не нова. Еще античные философы призывали к исследованию человека через его язык. В XIX веке В. фон Гумбольдт в своей философской концепции языка выделял, помимо прочих, антиномию индивидуального и коллективного в речи. Вслед за ним немецкие младограмматики утверждали, что язык – индивидуальная психофизическая деятельность, и объектом изучения лингвистов должен стать говорящий человек. Однако разрабатывать «социально-речевые» портреты понятия «социально-речевой портрет» начали с середины 60-х годов XX века, когда М.В. Пановым были созданы фонетические портреты политических деятелей, писателей, ученых XVIII – XX вв.».

Начиная с конца 80-х годов XX века в российском языкознании все более отчетливо вырисовывается новое направление исследований, связанное с изучением языковой личности и их речевых портретов. Ко второй половине 1990-х гг. эта проблема находит решение в целом ряде работ (Винокур, 1989; Земская, 1990; Черняк, 1994; Китайгородская и Розанова, 1995 и др.). О важности обозначенного направления говорит в серии своих публикаций Л.П. Крысин и дает речевой портрет отдельной социальной группы – интеллигенции [Крысин, 1999].

В новом тысячелетии интерес к языковым портретам личности только возрос. В последние годы появляется все больше диссертационных работ и монографий, связанных с речевой деятельностью отдельных языковых личностей и социальных групп [Куроедова, 2001; Мамаева, 2005; Гафарова, 2006; Белоусова, 2012; Асташова, 2013 и др.].

Перспективность создания речевого портрета личности видится в том, что он с большей или меньшей степенью объективности разрешает судить о речевых характеристиках этноса, социальной группы, к которой принадлежит говорящий индивид.

Попытки создать речевой портрет языковой личности правомерны в отношении любой из известных сфер общения; не является исключением политическая и дипломатическая сфера.

Актуальным является изучение речевого поведения современных политических деятелей.

Актуальность данного исследования определяется необходимостью изучения речевой деятельности современного политика, чья профессиональная деятельность распространяется как на внешнюю, так внутреннюю политику Российской Федерации; а также целесообразностью апробации существующих технологий речевого портретирования. Актуальность исследования обусловлена также необходимостью изучения тактик и стратегий политической речи.

Теоретико-методологической базой служат работы:

1) по политическому дискурсу [Карасик, 2002; Шейгал, 2004; Чудинов, 2006; Маслова, 2008; Т. ван Дейк, 2013 и др.].

2) по теории речевого портретирования [Панов, 1963; Богин, 1982; Караулов, 1987; Крысин, 2001].

3) по коммуникативным тактикам и стратегиями [Демьянков, 1982; Т. ван Дейк, 1983; Сухих, 1986; Паршина, 2005; Иссерс, 2006; Олешков, 2006; и др.].

Объектом исследования является речевой портрет действующего министра иностранных дел Российской Федерации Сергея Викторовича Лаврова.

Предмет исследования – лингвопрагматические средства аргументации, а также выражения оценки в речи С.В. Лаврова.

Сергей Викторович Лавров – известный российский политик, который имеет богатый опыт работы с различными международными организациями и более 10 лет представлял Россию в ООН.

Сергей Викторович Лавров родился 21 марта 1950 года в Москве. Известно, что родители Лаврова всю свою жизнь посвятили Внешторгу, и круг их знакомых сводился к людям, имеющим отношение к зарубежной политике. Этот факт вероятнее всего и повлиял на выбор будущей профессии Сергея Викторовича, с самого детства слушавшего увлекательные рассказы о поездках в дальние страны.

Будущий глава МИД РФ в учился в г. Ногинске Московской области в специализированной школе им. В. Короленко, в которой углубленно изучал английский язык. В школе он увлекался не только изучением иностранных языков, но и точными науками, такими как физика. Окончив школу с серебряной медалью, Лавров поступил в МГИМО, на восточный факультет. В 1972 году выпускник МГИМО, владеющий тремя языками (английским, французским и сингалским) поступил на службу в посольство СССР при Шри-Ланке. Политическая биография Сергея Лаврова началась с должности старшего референта в посольстве СССР, где он удостоился своего первого дипломатического ранга «атташе». Проработав на Шри-Ланке около четырех лет, он вернулся в Москву и продолжил карьеру в МИД СССР на должности третьего, а затем второго секретаря Отдела международных экономических организаций. В начале 80-х годов Сергей Лавров был откомандирован в США, где занял пост секретаря, а в дальнейшем советника и старшего советника в представительстве СССР при ООН. Почти 10 лет Лавров жил и работал в Нью-Йорке, а в 1988 году был переведен в Москву. С этого периода политик начинает достигать первых значительных высот на дипломатической государственной службе. С 1988 г. по 1994 г. политическая биография С.В. Лаврова набирает стремительные обороты: сначала он занимает должность заместителя начальника в Управлении международных экономических отношений МИД России, затем становится начальником этого же управления, после он возглавляет Департамент международных организаций и глобальных проблем МИД России, становится замминистра МИД РФ.

В 1994 году экс-президент России Борис Ельцин назначает Лаврова постпредом РФ при ООН, а также представителем России в Совете безопасности этой же организации. Работа при ООН принесла Лаврову колоссальную популярность, причем не только в России, но и за рубежом. Полученный богатый опыт и многочисленные знакомства в Нью-Йорке позволили политику идеально изучить основные международные проблемы. На заседаниях Совета Безопасности с участием Лаврова обсуждались важнейшие вопросы мировой политики и роль России в мире.

В 2004 году С.В. Лавров занял пост Министра иностранных дел России. За весь период работы в МИД РФ С.В. Лаврову приходилось участвовать в решениях вопросов по многим внешним и внутренним проблемам РФ. В последние годы политик уделяет особое внимание развитию российского бизнеса в зарубежных странах. За свою плодотворную дипломатическую деятельность С.В. Лавров награждался многими правительственными наградами, в число которых вошел орден второй степени «За заслуги перед Отечеством».

Цель работы – проанализировать речевой портрет Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в лингвопрагматическом и лингвоаксиологическом аспектах.

Поставленная цель обуславливает решение следующих **задач**:

- 5) рассмотреть основные подходы к речевому портретированию в отечественном языкознании и раскрыть понятие речевого портрета;
- 6) выявить особенности политического дискурса;
- 7) выявить и охарактеризовать коммуникативные стратегии в публичной речи С.В. Лаврова;
- 8) рассмотреть особенности языкового выражения оценки в речи С.В. Лаврова.

Источниками исследования послужили тексты интервью, стенограммы публичных выступлений С.В. Лаврова, размещенные на сайте МИД РФ за

2012-2016 годы, а также видеоматериалы пресс-конференций Министра иностранных дел С.В. Лаврова, размещенные на сайте МИД РФ:

«Большая пресс-конференция по итогам деятельности российской дипломатии в 2015 году, Москва, 26 января 2016 года»; «Пресс-конференция по итогам переговоров с Генеральным секретарем Совета Европы Т. Ягландом, Москва, 28 ноября 2014 года»; «Пресс-конференция по итогам заседания Совета Россия-НАТО на министерском уровне, Брюссель, 4 декабря 2012 года» (URL: <http://www.mid.ru/>) и др.

Методы, которые использовались в работе на этапе сбора материала: методы аналитического чтения, лингвистической выборки.

Методы, используемые на исследовательском этапе:

- 1) метод моделирования речевого портрета;
- 2) лингвопрагматический метод;
- 3) метод лингвистического описания.

Новизна работы определяется тем, что впервые дается анализ речевого портрета Министра иностранных дел С.В. Лаврова.

Практическая значимость исследования определяется тем, что его материалы и выводы могут быть использованы на занятиях по лингвистической прагматике, стилистике, культуры речевого общения, а также в научно-исследовательской работе студентов.

Структура работы обусловлена целью, задачами и логикой исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и приложения.

Во введении обоснованы значимость и актуальность работы, указана ее новизна, а также сформулированы цель и задачи исследования.

В первой главе мы рассмотрели понятие, структуру, особенности политического дискурса, аспекты речевого портретирования и дали анализ основных подходов к моделированию речевых портретов, также рассмотрели смежные понятия «речевого портрета».

Во второй главе мы рассмотрели тактики и стратегии аргументирования в речи С.В. Лаврова и определили типы речевых стратегий.

В заключительной главе дипломной работы были проанализированы экспликации оценки в речи С.В. Лаврова, выявлены объекты отрицательной и положительной оценки и языковые выражения.

В заключении работы подводятся итоги и намечаются перспективы дальнейшего исследования.

В конце работы приводится библиография, которая включает в себя 78 наименования.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕЧЕВЫХ ПОРТРЕТОВ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ

1.1. Антропоцентризм как ведущий принцип современной лингвистики

Термин «антропоцентризм» трактуется весьма широко. Это связано с тем, что как понятие, антропоцентризм существовал уже в Древней Греции. Известное выражение Протагора «Человек есть мера всех вещей» стало ключевой фразой антропоцентризма греческой философии. В Средние века трактовка слова «антропоцентризм» находилась под влиянием христианства. Под этим словом стали понимать, что человек – вершина творения, венец его, и, соответственно, обязательства его – наибольшие. Однако сегодняшнее наполнение термина – светское, такой антропоцентризм называют также секуляризованным антропоцентризмом. Большой энциклопедический словарь определяет «антропоцентризм» как «воззрение, согласно которому человек есть центр и высшая цель мироздания» [Большой Российский энциклопедический словарь, 2008:176].

Теория антропоцентризма в языкознании исторически связана с именем Вильгельма фон Гумбольдта, основоположника теоретической лингвистики. В его теории языка центральное место занимает такое направление, как сравнительная антропология.

Под термином «сравнительная антропология» Гумбольдт понимал сопоставление наций и выявление их самобытной духовной организации. По его мнению, при знании и сравнении языков можно понять как отдельного человека, так и целые нации. Он считал, что «посредством языка можно обозреть самые высшие и глубокие сферы и все многообразие мира». Изучая различные по строю языки (баскский, полинезийские), он сопоставлял исторические, антропологические, этнопсихические черты народов-

носителей этих языков и выявлял в этих языках индивидуальные, характерные особенности.

Помимо изучения речи, Гумбольдт исследовал язык в отношении к мышлению и чувственному восприятию, а также в отношении к причинам возникновения языка. Главная задача сравнительного антропоцентризма заключается по его словам в исследовании функционирования «языка в самом широком его объеме – не просто в его отношении к речи..., но в его отношении к деятельности мышления и чувственного восприятия» [Гумбольдт, 1985:75].

В антропоцентризме Гумбольдта считается, что понимание в языке основано на «духовной деятельности». Это подразумевает общение – деятельность говорящего и слушающего. Понимание зависит от индивидуального восприятия людей, задействованных в акте коммуникации, в котором играют роль как социокультурный срез языка, так и личностный репертуар носителей языка. Последний формируется языковой апперцепцией, языковым мировидением, которое выстраивается при осознанном восприятии языка.

Гумбольдт понимает «языковое мировидение» как то, что «язык – это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека», что «язык – не просто средство обмена, служащее взаимопониманию, а поистине мир, который внутренняя работа духовной силы призвана поставить между собою и предметами...», что их различие состоит «не только в отличиях звуков и знаков, но и в различии самих мировидений» [Гумбольдт, 2001:57]. Язык отражает не столько предметный мир, сколько тот способ, которым этот предметный мир представлен человеку. Этот способ, этот угол зрения, под которым народ смотрит на мир, является особенным для каждого человека.

Лингвистические исследования последних десятилетий характеризуются антропоцентричностью, т.е. изучением языка в тесной взаимосвязи с человеком, его сознанием, мышлением, культурой.

Антропоцентрические тенденции реализуются в появлении большого количества исследований, посвященных изучению языковой личности: существует множество работ, описывающих речевые портреты различных публичных деятелей [В.В. Путина, Д.А. Медведева (Алышева, год неизвестен); В.В. Жириновского, М.С. Горбачева, Б.Н. Ельцина (Карнаухова, 2000); Д.О. Рогозина, А.Б. Чубайса (Паршина, 2005) и др.].

Н.В. Бугорская выделяет три основных понимания термина «антропоцентризм»:

1. Антропоцентризм как свойство языка (антропоморфизм), согласно которому язык отражает объективную действительность через внутренний мир человека (мотивы и цели его деятельности, ценностные ориентации и т.д.) и, отражая, часто трансформирует его сообразно им. С таким пониманием «человеческого» в языке связаны исследования картины мира (языковой картины мира), чаще наивной, теоретически подкрепляемые постулатом Протагора «Человек — мера всех вещей», где акцентируются антропоморфные свойства языка;

2. Антропоцентризм как метод анализа языковых явлений (интуитивизм). В.М. Алпатов, считал, что чисто антропоцентрический и относительно системоцентрический подходы не отрицают, а дополняют друг друга и таким образом могут неконфликтно сосуществовать в рамках одной исследовательской практики [Алпатов, 1993: 21-22];

3. Антропоцентризм как методологический поиск, связанный с преодолением философского позитивизма в языкознании и проявляющий себя в гуманитаризации (т.е. отказе от естественнонаучной модели) языка лингвистического описания [Бугорская, 2003: 24].

Рассмотрение языка с точки зрения антропоцентричности дает возможность ввести в поле исследования философскую картину мира, а также особенности национального характера носителей языка, их менталитета; такой подход к языку способствует сопоставлению различных картин мира в представлении разных народов [Жоломанова, 2008:97-103].

Таким образом, идея антропоцентричности языка является ключевой в современной лингвистике. С позиций данной парадигмы, человек познает мир «через осознание себя, своей теоретической и предметной деятельности в нем», и это придает ему право «творить в своем сознании антропоцентрический порядок вещей», который определяет его «духовную сущность, мотивы его поступков, иерархию ценностей» [Маслова, 2001: 6-7].

Е.С. Кубрякова (а за ней и другие исследователи) в качестве ведущих для современного языкознания выделяет следующие парадигмальные принципы:

- Антропоцентризм – языковая личность становится точкой отсчета для исследования языковых тенденций;
- Экспасионизм – тенденция к расширению области лингвистических изысканий;
- Функциолизм / неофункциолизм – изучение языка в действии, в дискурсе, при реализации им своих функций;
- Экспланаторность – стремление не просто описать факты, но и дать им объяснение [Кубрякова, 1995: 160-165].

Все эти признаки являют собой взаимосвязанное единство, где одно обуславливает или предполагает другое. Но все же лингвисты единодушно признают антропоцентризм ведущим и самым ярким принципом, являющимся важнейшей чертой современного языкознания.

Антропоцентризм – следствие перехода от внутренней лингвистики к внешней. Он подчеркивает определяющую роль человека, который предстает активным субъектом и объектом познания, обладает индивидуальным, культурным и социальным опытом, системой знаний о мире. Все это отражено в сознании человека концептуальной картиной окружающей его действительности. Человек вновь становится центром вселенной, на который обращены все взгляды.

По мнению Е.С. Кубряковой суть антропоцентрического подхода к анализу языковых феноменов заключается в том, что «научные объекты

изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствовании. Он обнаруживается в том, что человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, что он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективы и конечные цели. Он знаменует тенденцию поставить человека во главу угла во всех теоретических предпосылках научного исследования и обуславливает его специфический ракурс» [Кубрякова, 1995: 13].

Антропоцентризм является ведущим принципом исследования для многих наук и направлений современного языкознания, в том числе:

- лингвоперсонологии, изучающей индивидуальные и типологические характеристики языковой личности;
- прагмалингвистики, объектом изучения которой являются отношения между языковыми единицами и условиями их употребления в определенной коммуникативной ситуации;
- лингвоаксиологии, занимающейся различными аспектами ценностей этноса и способов их репрезентации в языке и духовной культуре.

По справедливому замечанию Ю.Н. Караулова, «Нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю, к человеку, к конкретной языковой личности» [Караулов, 1987: 7].

1.2. Теоретико-методологические аспекты речевого портретирования

Теория речевого портрета носителя языка формируется в XX веке. Идею создания речевого портрета находим в работах Е.Д. Поливанова, в частности тех, где предпринимается исследование фонетики интеллигентского языка. Однако Е.Д. Поливанов не использует словосочетание «речевой портрет»,

характеризуя фонетические признаки «интеллигентской фонетики», «интеллигентского выговора», «фонетики интеллигентского языка».

Изучение понятия «речевой портрет» исторически начинается с фонетического портрета, важные приемы описания которого разрабатываются в середине 60-х годов XX века М.В. Пановым [Панов, 1963]. Анализируя произношение отдельных личностей, М.В. Панов дает характеристику литературной нормы в диахроническом аспекте и создает ряд фонетических портретов политических деятелей, писателей, ученых.

С 80-х годов XX века, с развитием таких научных направлений, как социолингвистика, лингвоперсонология, лингвокриминалистика, проблема разработки речевых и фонетических портретов получает новое содержание. В рамках портретирования языковая личность анализируется как социально-психологическая уникальность и коммуникативно-деятельностная единица [Винокур 1989], а также как участник ролевой речевой деятельности, что, по мнению ученых, позволяет отразить «речевой стиль личности как таковой, в котором складываются и жизненный опыт, и склад ума, и характер, и темперамент, и наклонности, и увлечения» [Там же].

До 60-х годов XX века «речевой портрет» бытует как литературоведческий термин, обозначающий один из способов создания художественного (в основном драматургического) образа. Лингвистические исследования в области речевого портретирования последних лет свидетельствуют о существенном усложнении и дифференциации понятийного содержания термина в сравнении с первоначальной трактовкой.

Г.Г. Матвеева под речевым портретом понимает «набор речевых предпочтений говорящего в конкретных обстоятельствах для актуализации определенных намерений и стратегий воздействия на слушающего» [Матвеева, 1998: 14]. Исследователь также отмечает, что в центре внимания индивидуального речевого портрета находится индивидуальный стиль, отражающий особенности конкретной языковой личности. Такой портрет

«составляется чаще всего при исследовании личности неординарной, элитарной, которой свойственно творческое отношение к языку [Там же].

По определению, выведенному в работе Матвеевой «Идентификация индивидуальных качеств говорящего по его прагмалингвистическому речевому портрету» - речевой портрет представляет собой определенный индивидуальный набор речевых стратегий скрытого воздействия. По речевому портрету мы можем судить об индивидуальных качествах автора [Матвеева, 2003:URL: <http://www.philol.msu.ru/rus/gorn/arso/matveev.htm>.].

Е.А. Земская дает более объемлющую характеристику данному понятию: «Монографическое описание речи отдельных лиц, характеризующее пристальным вниманием к ее особенностям, к специфике речевого поведения, учитывающие личные и профессиональные свойства, особенности биографии, условия усвоения языка и т.п. В результате такого изучения мы получаем речевой портрет отдельного индивида» [Земская, 1990: 28].

По мнению О.Г. Алюниной, речевой портрет – это воплощенная в речи языковая личность определенной социальной общности. В основе разграничения понятий «языковая личность», «речевая личность» и «речевой портрет» лежит, прежде всего, необходимость различения языка и речи. Под целостным речевым портретом языковой личности понимается иерархически организованная структура, которая включает следующие компоненты:

- социопсихолингвистический портрет – социальные, психологические, биологические особенности; личные интересы и увлечения;
- особенности речевого портрета на уровне его лексикона: описание и анализ всех системно-языковых уровней;
- особенности речевой культуры – особенности коммуникативного поведения, учет фактора адресата, своеобразие лексики.

Исследовательские поиски при изучении проблемы языковой личности и создания её речевого портрета направлены на такие моменты речевого

поведения, которые несут в себе сущностные (типовые) черты [Макеева, 2014: 82-83].

С.В. Леорда понимает «речевой портрет» следующим образом – это «воплощенная в речи языковая личность» [Леорда, 2006].

Л.П. Крысин в своей работе «Речевой портрет современного интеллигента» предлагает следующую схему анализа:

1. Особенности набора языковых средств:

- фонетические (консонантизм, вокализм, отклонение от существующей произносительной нормы);
- лексические и словоупотребительные (частотные слова, оценочные, модальные слова и выражения, просторечные слова и выражения, жаргонизмы, диалектизмы);
- синтаксические особенности.

2. Особенности в речевом поведении:

- умение переключаться в процессе разговора с одних разновидностей коммуникации на другие в зависимости от условий общения. Так называемые фабулы общения.
- прецедентные феномены (известные литературные и культурные цитаты, сюжеты, фразеологизмы. «Разного рода «готовые» не создаваемые в данном акте коммуникации выразительные средства, начиная от фразеологизмов и кончая разного рода художественными текстами, при условии, что эти тексты известны и адресату»);
- языковая игра, каламбуры;
- выразительные средства языка;
- интонация, жесты, мимика [Крысин, 1999:URL:
<http://www.philology.ru>]

Б.Л. Бойко следующие принципы моделирования речевого портрета:

1. Первый принцип – «вычленение в нем «диагностирующих пятен», которые и определяют особенное;

2. Второй принцип заключается в признании неоднородности объекта, который означает, что в индивидуальном речевом портрете не обязательно будут явлены наблюдателю все потенциальные языковые и речевые средства;

3. Третий принцип сопряжен со вторым, но за точку отсчета в данном случае принимается речевая активность субъекта. Языковые и речевые средства, реализуемые индивидом в наблюдаемых ситуациях общения, становятся лишь частью потенциального объема, ограниченного в своей реализации некоторым набором ситуаций общения;

4. Четвертый принцип моделирования речевого портрета основан на использовании языковой игры для создания условий, в которых могут быть реализованы потенциальные возможности портретируемого как языковой личности – необходимость ответить шуткой на шутку, отразить речевую агрессию и др.;

5. Пятый принцип выходит на проблемы отбора материала исследования. Поскольку языковая личность обнаруживает себя в совокупности текстов, то для ее изучения необходимо обращение к самым разнообразным по статусу речевым произведениям (научные тексты, тексты художественной прозы, тексты непосредственных записей речи информантов и др.)» [Бойко, 2008: 117].

Перспективным является также анализ отдельных особенностей (черт) речевого портрета личности, например, описание только речевых тактик и стратегий или аксиологических особенностей, тональности текстов и высказываний человека. Такой узконаправленный подход к речевому портретированию позволяет детальнее рассмотреть специфические черты языковой личности. В настоящем исследовании будет реализована именно такая методика: углубленному анализу подвергнутся только базовые коммуникативные стратегии тактики С.В. Лаврова и языковые средства выражения оценки.

Таким образом, при описании речевого портрета основное внимание исследователи, как правило, обращают на описание речи и речевого поведения, но при этом учитывают и коммуникативную ситуацию, а также социальное происхождение индивида, его образование, уровень его образованности и культуры, принадлежность к той или иной социальной группе и профессии.

Г.И. Богин предложил модель речевого портрета языковой личности, в которой выделяются пять уровней владения языком:

1) уровень правильности, предполагающий наличие достаточно большого лексического запаса, знание основных строевых закономерностей языка и позволяющий строить высказывание и продуцировать тексты в соответствии с правилами данного языка;

2) уровень интериоризации, включающий умения реализовывать и воспринимать высказывания в соответствии с внутренним планом речевого поступка;

3) уровень насыщенности, выделяемый с точки зрения отраженности в речи разнообразия, всего богатства выразительных средств в области фонетики, грамматики и лексики;

4) уровень адекватного выбора, оцениваемый с точки зрения соответствия используемых в высказывании языковых средств в сфере общения, коммуникативной ситуации и ролям коммуникантов;

5) уровень адекватного синтеза, учитывающих соответствие порожденного личностью текста всему комплексу содержательных и коммуникативных задач, положенных в его основу [Богин, 1999:URL: <http://www.rsl.ru>]. Анализ данных уровней представляет собою оригинальную методику портретирования.

Так как объектом нашего исследования является речевой портрет политика, считаем необходимым рассмотреть работы А.К. Михальской, в которых представлена иная методика, которая направлена на изучение речевого поведения личности [Михальская, 1996]. В работе «Русский

Сократ...» исследователь рассматривает конкретные типы речевого поведения политических лидеров, по следующей схеме:

- Анализ индивидуального словаря языковой личности (описание структуры значения ключевых слов);
- Риторический анализ;
- Средства косвенного информирования (в основном риторические тропы) [Михальская, 1996: 304]. Работы многих современных исследователей посвящены речевому поведению отдельной личности [Карнаухова, 2000; Паршина, 2005] и др.

Для того чтобы полно и точно представить речевой портрет определенной языковой личности, необходимо выяснить, каким образом соотносятся между собой смежные понятия *лингвокультурный типаж*, *языковой портрет*, *коммуникативный портрет*, *речевое поведение* и *речевая характеристика* как полных аналогов *речевого портрета*. Это необходимо, т.к. в последнее время наметилась тенденция использования этих наименований как синонимов. Это приводит не только к терминологической путанице, но и рассогласованности исследовательских процедур.

В работе В.И. Карасика и О.А. Дмитриевой «Лингвокультурный типаж: к определению понятия» [Дмитриева, Карасик 2005], понятийное наполнение лингвокультурного типажа раскрывается в сопоставлении со смежными понятиями, в том числе речевым портретом. Под речевым портретом исследователи понимают систематическое описание коммуникативного поведения. Лингвокультурный типаж представляется более широким понятием: речевой портрет не является его деталью, он вполне автономен, но может «укладываться» в модель типажа подобно матрешке, ср.: «Лингвокультурный типаж проявляется через коммуникативное поведение, важнейшим компонентом которого является вербальный ряд. В этом плане речевое портретирование типажа представляет собой продуктивный исследовательский прием, если, разумеется, такой типаж не относится к исторической архаике и допускает изучение посредством наблюдения»

[Макеева, 2014: 80]. Е.А. Ярмахова практически уравнивает понятия «коллективный речевой портрет» и «типаж»: речевой портрет может быть как индивидуальным, так и коллективным – отмечает автор. Именно в последнем случае мы в праве говорить о портретировании типажа [Ярмахова, 2005: 44]. А.Ю. Коровина уделяет пристальное внимание разграничению понятий «лингвокультурный типаж» и «языковая личность»: речевой портрет в перечне соотносимых понятий автором не выделяется [Коровина, 2008: 57]. По мнению И.В. Гуляевой, речевой портрет, как и лингвокультурный типаж, являются соотносимыми, т.к. характеризуют человека через призму его коммуникативного поведения; тем не менее, речевой портрет не может быть сведен к данному понятию [Гуляева, 2009: 44].

Для описания понятия «речевой портрет», прежде всего, следует также уделить внимание рассмотрению близкого ему по значению термина «языковая личность». Первые шаги в исследовании языковой личности отечественной лингвистике были сделаны В.В. Виноградовым, рассматривающим в «качестве двух возможных путей изучения языковых личностей автора, персонажа, а также создавшим своеобразный реестр сложностей исследования (неполнота фактов речеупотребления, неполнота экстралингвистических данных, неясность в психологической мотивировке)», а термин впервые употребил в 1930 году в книге «О языке художественной прозы» [Виноградов, 1930: 91].

Термин «языковая личность» в широкий научный обиход ввел Ю.Н. Караулов, который считает, что языковая личность – это «человек, обладающий способностью создавать и воспринимать тексты» [Караулов, 2001: 10]. В работе «Русский язык и языковая личность» языковая личность рассматривается с точки зрения деятельности – личность вообще позиционируется как нечто стабильное в различных видах деятельности, в том числе и в речевой деятельности. Под языковой личностью исследователь понимает «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающее создание и восприятие им речевых произведений

(текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» [Караулов, 1989: 3].

Языковой личностью называют также «совокупность особенностей вербального поведения человека, использующего язык как средство общения» [Сухих, Зеленская, 1997: 64].

О.И. Асташова пишет, что изучение языковых особенностей личности сосредоточилось в рамках специальной дисциплины, «лингвистической персонологии» [Нерознак, 1996], которая занимается изучением «персонотекста», т.е. «проявлений свойств языковой личности, как отражение особого качества языковой способности его автора или адресата» [Голев, 2004: 15]. Особенности речевого развития носителей языка проявляет себя в его каждодневном коммуникативном поведении, которое как бы становится визитной карточкой языковой личности. Речевое поведение проявляет себя в дискурсивной деятельности, столь же многообразно социальное бытие человека» [Седов, 1999].

Базовые термины лингвоперсонологии – «языковая личность» и «речевой портрет» – находятся в тесной взаимосвязи. Языковая личность как объемная модель, определяемая с позиций языкового сознания и речевого поведения, получает свою текстовую репрезентацию в виде речевого портрета. В лингвоперсонологии языковая личность является объектом речевого портретирования. В ряде работ термины «языковая личность» и «речевой портрет» соположены и выступают как контекстные синонимы.

Модель описания личности представлена в виде систематизации языкового облика говорящего по вербальному, когнитивному и прагматическому уровням.

Языковая компетенция личности должна изучаться в разных плоскостях, которые бы объединили «эклектичный», с точки зрения автора, набор возможных ракурсов рассмотрения исследуемого феномена. В

работах предложен онтологический, аксиологический и гносеологический аспекты изучения личности [Седов, 2010: 185]. В целях систематизации описания граней языковой личности определены шесть уровней онтологической структуры коммуникативной компетенции: 1) уровень коммуникативных черт характера; 2) уровень речевых жанровых компетенций; 3) уровень статусно-ролевой идентичности; 4) уровень своеобразия речевого мышления; 5) уровень речевой культуры; 6) уровень языковой компетенции [Там же]. Заметим, что поэтапный анализ данных структур представляет ценность для речевого портретирования.

С.О. Макеева в своей статье «Речевой портрет в кругу смежных понятий» пишет, что традиционными для направления речевого портретирования являются работы, где предпринята попытка обобщить имеющиеся методологии общей методологии либо матрицы моделирования речевого портрета, либо предлагается своя методологическая «рецептура» О.Г. Алюниной, Н.М. Гордеевой, Т.В. Шмелевой, Е.И. Иванцовой [Макеева, 2014: 83].

Залогом успешного разграничения речевого портрета и ряда смежных понятий является признание следующих постулатов:

1. Речевое портретирование как процедура опирается на факты, доступные непосредственному наблюдению.

2. Материалом речевого портрета является полный набор дискурсивных практик, т.е. то, из чего складывается речевое поведение индивида (группы), а не то, что удобно для интерпретации.

3. Речевой портрет не является продуктом деятельности исследователя-лингвиста; он создается (моделируется) задолго до того, как привлекает внимание исследователя; моделируется социальной (профессиональной) группой в ходе реализации стратегии социальной (профессиональной) идентичности, моделируется СМИ и политическими имиджмейкерами, самим индивидом как представителем той или иной социальной общности. В ряде случаев субъектом моделирования начинает выступать социум, модель

получает лингвокультурную интерпретацию. Переход к категории типажа уместен именно в данном случае [Макеева, 2014: 83-84].

Как уже отмечалось, на сегодняшний день существуют множество различных подходов к изучению речевого портрета. Речевой портрет можно анализировать разными способами: выявления типичных и индивидуальных речевых черт на всех системно-языковых уровнях; выделение особенностей речевого поведения и «выбор одних элементов (из пар или ряда вариантов) и употребление их в речи в зависимости от условий общения и неупотребление, осознанное или подсознательное отвержение других» [Крысин, 1999: URL: <http://www.philology.ru>]; рассмотрение особенностей лексических единиц индивида; выбора коммуникативных тактик и стратегий в зависимости от жанра и сферы общения и т.п.

1.3. Особенности политического дискурса

Предпосылки к изучению речи, дискурса, диалога и текста, к различению статического и динамического аспектов в языковых процессах лежат в трудах В. фон Гумбольдта, Ф. де Соссюра, Л. Витгенштейна, Л. В.Щербы, Э. Бенвениста.

Заслуживает внимания точка зрения на дискурс как новый объект изучения в современной лингвистике, предложенная А. А. Кибриком. Учёный придерживается мнения о том, что «люди разговаривают между собой дискурсами, а не предложениями и тем более не морфемами или фонемами». Это, по его мнению, отличает дискурс от других языковых единиц, поэтому «естественное построение лингвистики как науки следовало бы начинать с исследования дискурса, и лишь с учетом этого уровня исследовать более мелкие единицы, полученные в результате аналитических процедур» [Кибрик, 2009: 3].

Прежде, чем перейти к описанию особенностей политического дискурса дадим определение самому термину «дискурс». Эмиль Бенвенист одним из

первых определил термин «дискурс»: Дискурс (от франц. discours – «речь») – всё, что находится между языками речью... речь, присваиваемая говорящим [Бенвенист, 1998: 27-29]. Не смотря на большую научную традицию исследования дискурса, до сих пор нет его общепринятого определения.

П. Серио выделяет восемь значений термина «дискурс»:

- 1) эквивалент понятия «речь» (по Ф. Соссюру), т.е. любое конкретное высказывание;
 - 2) единицу, по размерам превосходящую фразу;
 - 3) воздействие высказывания на его получателя с учетом ситуации высказывания;
 - 4) беседу как основной тип высказывания;
 - 5) речь с позиций говорящего в противоположность повествованию, которое не учитывает такой позицию (по Э.Бенвенисту);
 - 6) употребление единиц языка, их речевую актуализацию;
 - 7) социально или идеологически ограниченный тип высказываний, например, феминистский дискурс;
 - 8) теоретический конструкт, предназначенный для исследований условий производства текста [Серио, 1999: 26-27].
- Одной из популярных теорий дискурса является теория голландского ученого Т.А. ван Дейка, который пишет, что «Дискурс – актуально произнесенный текст, а «текст» – это абстрактная грамматическая структура произнесенного. Дискурс – это понятие, касающееся речи, актуального речевого действия, тогда как «текст» – это понятие, касающееся системы языка или формальных лингвистических знаний, лингвистической компетентности» [Дейк, 2000: 46]
- Аналогичная ситуация внутриотраслевой омонимии сложилась и в отечественной лингвистике. Так, В.Е. Чернявская, обобщив различные понимания дискурса в отечественном и зарубежном языкознании, сводит их к двум основным типам: 1) "конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определенном когнитивно и типологически обусловленном

коммуникативном пространстве", и 2) "совокупность тематически соотнесенных текстов" [Чернявская, 2001: 14-16]. Наибольшее распространение имеет определение Н. Д. Арутюновой, которая полагает, что «дискурс - это «речь, погруженная в жизнь». Поэтому термин «дискурс», в отличие от термина «текст», не применяется к древним и другим текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно" [Арутюнова, 1990: 136–137].

Ю.Е. Прохоров в работе «Действительность. Текст. Дискурс» пишет, что «дискурс представляет собой явление промежуточного порядка между речью, общением, языковым поведением, с одной стороны, и фиксируемым текстом, остающимся в «сухом остатке» общения, с другой стороны... ». Попутно отмечая, что «с позиции лингвистической речи дискурс – это процесс живого вербализуемого общения, характеризующийся множеством отклонений от канонической письменной речи, отсюда внимание к степени спонтанности, завершенности, тематической связанности, понятности разговора для других людей...» [Прохоров, 2004: 24].

В отечественной науке лингвисты рассматривают дискурс в основном как особое языковое образование, соотносимое с определенной областью общественной практики, человеческого познания и коммуникации [Кожетова, 2012: 17].

М.Л. Макаров показывает основные координаты, с помощью которых определяется дискурс: формальная, функциональная, ситуативная интерпретации. Формальная интерпретация – это понимание дискурса как образования выше уровня предложения. Речь идет о сверхфразовом единстве, сложном синтаксическом целом, выражаемом как абзац или кортеж реплик в диалоге, на первый план здесь выдвигается система коннекторов, обеспечивающая целостность этого образования. Функциональная интерпретация в самом широком понимании – это понимание дискурса как использования (употребления) языка, т.е. речи во всех ее разновидностях. Компромиссным (более узким) вариантом функционального понимания

дискурса является установление корреляции «текст и предложение» – «дискурс и высказывание», т.е. понимание дискурса как целостной совокупности функционально организованных, контекстуализованных единиц употребления языка [Карасик, 2002: 190-191].

Отдельно следует остановиться на характеристиках дискурса, которые имеют отношение и к политическому дискурсу. Дискурс имеет тонально-жанровые измерения. Говоря о тональности дискурса, мы имеем в виду такие параметры, как серьезность либо несерьезность, обиходность либо ритуальность, стремление к унисону либо конфликту, сокращение либо увеличение дистанции общения, открытое (прямое) либо завуалированное (косвенное) выражение интенций, направленность на информативное либо фатическое общение. Эти параметры взаимосвязаны [Карасик, 2002: 193-194].

Как известно, выделяются различные виды дискурса: политический, рекламный, военный, деловой, медицинский, административный, юридический, религиозный, мистический, спортивный, научный и др. Далее остановимся подробно на понятии «политический дискурс».

Политический дискурс является одним из важнейших терминов политической лингвистики, «важной задачей которой является исследование многообразных взаимоотношений между языком, мышлением, коммуникацией и политическим состоянием общества в конкретные исторические периоды» [Чудинов, 2003:4]. По мнению А.П. Чудинова, в содержание политического дискурса должны входить «все присутствующие в сознании говорящего и слушающего (пишущего и читающего) компоненты, способные влиять на порождение и восприятие речи» [Чудинов, 2003: 18]. Этими компонентами являются и другие тексты, и политические взгляды автора, и задачи, которые он ставит перед собой при создании текста, и политическая ситуация, в которой создается сам текст. Политический язык манифестируется прежде всего средствами массовой коммуникации, т.к. именно они способствуют «раскручиванию» политической деятельности

партии, объяснению сложившейся политической ситуации в стране и в мире и т.д.

Политический дискурс – разновидность институционального дискурса. Институциональный дискурс – это «дискурс, осуществляемый в общественных институтах, общение в которых является составной частью их организации. К важнейшим социальным институтам относятся политические институты (парламент, правительство и др.), которые обеспечивают установление и поддержание политической власти» [Шейгал, 2000: 58].

К числу институциональных характеристик политического дискурса относятся его функции. К основным функциям политического дискурса Р. Водак относит:

- 1) персуазивную (убеждение);
- 2) информативную;
- 3) аргументативную;
- 4) персуазивно-функциональную (создание убедительной картины лучшего устройства мира);
- 5) делимитативную (отличие от иного);
- 6) групповыделительную (содержательное и языковое обеспечение идентичности) [Желтухина, 2000: 72].

Политический дискурс – это явление, с которым все сталкиваются ежедневно. Чем более открыта и демократична жизнь общества, тем больше внимания уделяется языку политики. Политическим дискурсом интересуются как профессионалы от политики, в том числе журналисты и политологи, так и самые широкие массы граждан. В последние десятилетия эта область знания стала объектом пристального внимания лингвистов. Этот феномен в разных аспектах изучали Е.И. Шейгал (2000); М.Р. Желтухина (2000); В.З. Демьянков (2001); В.И. Карасик (2005) и др.

Основная задача лингвистического анализа политического дискурса (PoliticalLinguisticDiscourseAnalysis) – вскрыть механизм сложных взаимоотношений между властью, познанием, речью и поведением [Hacker 1996: 51; цит. по:Шейгал, 2000: 14].

Политический язык и политическая коммуникация стали предметом лингвистических исследований сравнительно недавно. С конца 50-х годов интерес к этой проблематике возник в ФРГ, прежде всего, в связи с изучением языка национал-социализма [Klemperer 1947; цит. по:Шейгал, 2000: 14].

В современной отечественной политической лингвистике существует несколько направлений исследования политического дискурса. В первую очередь проблемы политической коммуникации нашли отражение в работах, посвященных изучению тоталитарного языка [Купина, 1995; Романенко, 2000 и др.]. В монографии Н.А. Купиной рассматривается словарь советских идеологем, относящееся к политической, философской, религиозной, этической и художественной сферам, а также языковое сопротивление и языковое противостояние коммунистической идеологии внутри России. Значительный вклад в изучение политической коммуникации сделан А.К. Михальской [Михальская, 1996]. Проблема отношения речи и власти исследуется ею в плане сравнительно-исторической риторики с привлечением материала СМИ.

От сделанных А.К. Михальской теоретических обобщений речевого поведения политиков отталкиваются многие последующие исследователи политического дискурса. В русле подходов к изучению политической речи, разработанных А.К. Михальской, исследуют современную политическую коммуникацию М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова [Китайгородская, Розанова, 2003].

Как известно, существует широкое и узкое понимание понятия политического дискурса. В рамках широкого понимания политического дискурса подразумевают «любые речевые образования, субъект, адресат или

содержание которых относится к сфере политики»; «сумма речевых произведений в определенном паралингвистическом контексте – контексте политической деятельности, политических взглядов и убеждений, включая негативные ее проявления (уклонение от политической деятельности, отсутствие политических убеждений); «совокупность дискурсивных практик, идентифицирующих участников политического дискурса как таковых или формирующих конкретную тематику политической коммуникации». В качестве языкового материала могут быть использованы выступления политиков, политических обозревателей и комментаторов, публикации в средствах массовой коммуникации, материалы специализированных изданий на разные темы, касающиеся аспектов политики. При таком подходе исследование политического дискурса включает в себя рассмотрение практически всех семиотических систем [Негров, 2008: 20-21].

Е.О. Негров выделяет следующие системообразующие признаки политического дискурса:

1. «Первый и самый важный признак из самого противопоставления широкого и узкого подходов по отношению к понятию политического дискурса, и его можно обозначить через понятие институциональности, которое состоит в том, что необходимое условие для отнесения дискурса к политическому состоит в существовании такого дискурса в рамках социального института;
2. В качестве второго признака политического дискурса следует выделить его фатичность, т.е. пониженную информативность (вплоть до ее отсутствия);
3. Следующий признак политического дискурса относится к психологическим фактам политической коммуникации и также связан с функцией «успокоения»;
4. Следующий признак политического дискурса заключается в его смысловой неопределенности. Из-за смысловой неопределенности

политического дискурса вытекает следующий признак, который можно обозначить как фантомность, и отнести к сфере политического сознания;

5. Еще один системообразующий признак связан с его манипулятивной, убеждающей и корпоративной функциями;

6. Последним важным признаком политического дискурса на современном этапе развития общества является его опосредованность средствами массовой коммуникации» [Негров, 2008: 23-29].

Необходимость исследования политического дискурса на материале речи политиков диктуется тенденциями развития политической коммуникации, наблюдаемыми в нашем обществе, а именно – «орализацией» [Стернин 2003: 105] общения, значительным возрастанием роли устной речи, увеличением её удельного веса в общении и повышении значимости устной речи как формы существования языка [Паршина, 2005: 17].

Таким образом, политический дискурс можно определить как «сверхтекст, отображающий политическую и идеологическую практику какого-то государства, отдельных партий и течений в определенную эпоху. В таких сверхтекстах анализируется общественное сознание, и политический дискурс, таким образом, отражает политическую ситуацию, а его изучение дает более наглядную картину предпочтений в современном обществе, существенно дополняющую иные способы решения данной задачи, к примеру, социологические исследования» [Негров, 2008: 53].

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

В результате проведенных нами исследований было выяснено, что:

Лингвистические исследования последних десятилетий характеризуются антропоцентричностью, т.е. изучением языка в тесной взаимосвязи с человеком, его сознанием, мышлением, культурой. Антропоцентризм является ведущим принципом исследования для довольно широкого круга работ, в которых проявляются новые понятия.

Речевое портретирование является актуальной задачей социофонетики, микросоциолингвистики и лингвоперсонологии.

Не существует единых подходов и методов к речевому портретированию. Релевантным для настоящего исследования является языконаправленный подход, подразумевающий глубокий анализ отдельных черт речевого портрета языковой личности, а именно лингвопрагматических и лингвоаксиологических черт.

Следует разграничивать понятия «речевой портрет», «языковая личность», «лингвокультурный типаж» и «речевое поведение».

Политический дискурс это явление, с которым все сталкиваются ежедневно. В последние десятилетия эта область знания стала объектом пристального внимания лингвистов. Политический дискурс является одним из важнейших терминов политической лингвистики, «важной задачей которой является исследование многообразных взаимоотношений между языком, мышлением, коммуникацией и политическим состоянием общества в конкретные исторические периоды».

ГЛАВА 2. КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ В РЕЧИ С.В. ЛАВРОВА

2.1. Типы речевых стратегий

Исследование коммуникативных тактик и стратегий является актуальной задачей новой интегральной науки, которую можно назвать наукой о речевом воздействии [Стернин, 2002]. Речевое воздействие в узком смысле – это то, «которое обычно используется в сфере так называемых координативных отношений, когда коммуникантов связывают отношения субординации (формальные или неформальные). Такой тип речевого воздействия предполагает, что субъект речевого воздействия регулирует деятельность другого человека, в определенной мере свободного в выборе своих действий и поступающего в соответствии со своими потребностями. Подобный тип отношений, по мнению авторов, можно наблюдать в средствах массовой информации либо в агитационном выступлении непосредственно перед аудиторией» [Иссерс, 2006: 23].

Подобные исследования имеют большое значение для описания речевого портрета, поскольку коммуникативно-прагматическая и логико-аргументативная компетенции, а также тактико-стратегическая субкомпетенции языковой личности, проявляется именно в умении выбирать тактики и стратегии, соответствующие авторскому целеполаганию и характеру прагматической ситуации.

Рассмотрим понятие «речевая (коммуникативная) стратегия».

И.Н. Борисова пишет, что «коммуникативная стратегия» есть результат организации речевого поведения говорящего в соответствии с прагматической целеустановкой, интенцией. В широком смысле коммуникативная стратегия понимается как общее намерение, задача в глобальном масштабе, сверхзадача речи, диктуемая практической целью продуцента». По мнению И.Н. Борисовой коммуникативная стратегия

предполагает отбор фактов и подачу их в определенном освещении, заставляет говорящего соответственно организовывать речь, обуславливает подбор и использование языковых средств. И.Н. Борисова отмечает также, что понятие коммуникативной стратегии задается соотношением «действительность-текст-адресат» и приводит определение коммуникативной стратегии Зернецкого: это «творческая реализация коммуникантом плана построения своего речевого поведения с целью достижения общей (глобальной) языковой (неязыковой) задачи общения в речевом событии» [Борисова, 1996: 22].

По И.Н. Борисовой, коммуникативные стратегии могут быть осознанными и подсознательными. Осознанные коммуникативные стратегии принято соотносить с замыслом высказывания и его реализацией в речи, они связаны преимущественно с достижением практической цели (это диалоги регулятивного характера, где осознанно-волевое начало преобладает). А подсознательные не определяются обдуманном планом, замыслом и их можно соотнести с понятием психологической установки говорящего.

И.В. Труфанова говорит об абсолютной синонимии терминов «иллокутивный компонент» (А. Вежбицкая) и «коммуникативная стратегия» (Борисова И.Н., Формановская Н.И. и др.), исходя из положения А. Вежбицкой о том, что подсознательной коммуникативной стратегии соответствует «иллокутивный компонент», трактуемый как понятие более элементарное, чем «акт».

О.С. Иссерс в работе «Коммуникативные стратегии и тактики русской речи» понятие речевой стратегии толкует как «комплекс речевых воздействий, направленных на достижение коммуникативной цели» [Иссерс, 2006: 54], разграничивая их на общие и частные. Под общими стратегиями здесь подразумеваются те, реализуя которые можно воздействовать на адресата:

- **основные**, наиболее значимые с точки зрения иерархии мотивов и целей на данном этапе коммуникативного воздействия;

- **вспомогательные**, способствующие эффективной организации диалогового взаимодействия и оптимальному воздействию на адресата:
 - **прагматические**, в которых используются все стратегически значимые компоненты коммуникативной ситуации;
 - **диалоговые**, используемые для мониторинга темы, инициативы, степени понимания в процессе общения;
 - **риторические**, «привлекающие» внимание и драматизирующие коммуникацию [Иссерс, 2006: 106-107].

Частые же речевые стратегии характеризуют «конкретный разговор с конкретными целями» [Иссерс, 2006: 108].

А.К. Михальская создает типологию коммуникативных стратегий уже на других основаниях, говоря о стратегии близости, стратегии отказа от выбора и стратегии отстранения.

Выбор той или иной коммуникативной стратегии определяется:

1. Особенности речевой ситуации – тем, кто ее участники, каковы отношения между ними, о каком предмете идет речь;
2. Личностными, индивидуальными особенностями говорящего;
3. Психофизиологическими особенностями – темпераментом, характером;
4. Особенности речевой традиции социальной группы и семьи, в которой вырос человек;
5. Национальными речевыми традициями» [Михальская, 1996: 136].

Перейдем к понятию речевой (коммуникативной) тактики.

И.Н. Борисова, рассуждая о коммуникативной тактике, рассматривает это понятие в рамках диалога: «Тактику общения понимаем как динамическое использование коммуникантами речевых умений построения реплик диалога, конструирующих ту или иную стратегию диалоговедения» [Борисова, 1996: 23].

А.П. Сковородников говорит о том, что понятия «речевая тактика» (соответственно – коммуникативная тактика) и «речевая стратегия»

(соответственно – коммуникативная стратегия) системно связаны как часть и целое (а в интерпретации Т.В. Матвеевой – как вид и род), следовательно, определять их нужно в соответствии друг с другом. Обобщая суждения, высказанные о содержании этих понятий другими авторами, А.П. Сковородников определяет интересующее нас понятие следующим образом: «Речевая (коммуникативная) стратегия» – это общий план или «вектор» речевого поведения, в выборе системы продуманных говорящим/пишущим поэтапных речевых действий; линия речевого поведения, принятая на основе осознания коммуникативной ситуации в целом и направленная на достижение конечной коммуникативной цели (целей) в процессе речевого общения. Каждая речевая (коммуникативная) стратегия характеризуется определенным набором речевых тактик. <...> Реализация совокупной последовательности речевых тактик призвана обеспечить достижение коммуникативной цели речевого общения «(конкретной интеракцией)» [Сковородников, 2004: 6].

И.В. Труфанова, анализируя точки зрения разных лингвистов на определение понятия речевой тактики, формулирует собственную точку зрения относительно понятия речевой тактики: «Тактика призвана обеспечить осуществление избранной коммуникативной стратегии и развертывание избранного жанра. С точки зрения членения речевого потока, развертывания речевого жанра, она является речевым действием – минимальной его единицей. С точки зрения ее роли как средства осуществления коммуникативной стратегии, она является приемом речевого поведения и может получить другие терминологические обозначения, отличные от названий речевых актов, имена речевых тактик в этом случае – это имена «речевых поступков» или имена клише, посредством которых осуществляется данная тактика» [Труфанова, 2001: 60-61].

О.С. Иссерс формулирует фактически эту же мысль более лаконично: «Речевой тактикой следует считать одно или несколько действий, способствующих реализации стратегии». Следует отметить, что О.С. Иссерс,

помимо коммуникативных стратегий и тактик, выделяет коммуникативный ход, который можно назвать «минимальной стратегической единицей, которая связывает реплику говорящего и реплику слушающего по принципу иллокутивного вынуждения. Коммуникативный ход определяется относительно предполагаемой реакции партнера с учетом предыдущих речевых действий» [Иссерс, 2006: 56-57].

Итак, понятие речевой (коммуникативной) тактики связано с понятием речевого жанра как один из формирующих его компонентов; с понятием речевого акта – как совпадающее с ним речевое действие, входящее в речевой жанр; с понятием стратегии – как прием реализации.

По мнению И.В. Труфановой не существует жестокого соотнесения внутрижанровых стратегий и тактик, и выбор стратегий и тактик обуславливается типами языковых личностей участников общения. Это положение исследователь подтверждает тем, что Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров выбор тактики («иллокутивного компонента» - А. Вежбицкая) связывают с национально-культурной спецификой поведения личности в типичных общечеловеческих ситуациях [Труфанова, 2001: 62].

Голландский ученый Т.А. ван Дейк, рассматривая стратегии общения, выделяет следующие ходы:

- 1) ход "обобщение" используется для того, чтобы показать, что неблагоприятная информация не является случайной (типовые выражения этого хода: "И так всегда", "С этим сталкиваешься на каждом шагу", "Это без конца повторяется");
- 2) "приведение примера" - ход, показывающий, что общее мнение основано на конкретных фактах (типовые выражения: "Вот пример", "Например, на прошлой неделе");
- 3) "усиление" направлено на лучший и более эффективный контроль за вниманием слушающего, на улучшение структурной организации неблагоприятной информации, на подчеркивание субъективной

макроинформации (типовые выражения: "Это ужасно, что...", "Это позор, что...");

4) "уступка" дает возможность для условного обобщения даже в случае привлечения противоречивых примеров либо позволяет продемонстрировать реальную или воображаемую терпимость и сочувствие ("Среди них попадаются и хорошие люди", "Не стоит обобщать, но...");

5) "сдвиг" - ход стратегии положительной самопрезентации ("Мне-то, в общем, все равно, но другие соседи с нашей улицы возмущаются");

6) "контраст" - ход, привлекающий внимание к логической или качественной противоположности ("Нам приходилось долгие годы трудиться, а они получают пособие и ничего не делают").

Коммуникативные стратегии группируются исследователями по-разному [Олешков, 2006: 27-30], на том основании, что в разных научных направлениях исследуются отдельные аспекты этого многогранного феномена. Для номинации тактик чаще всего используются отглагольные существительные, отражающие суть образующей тактику интенции: тактика угрозы, просьбы, извинения и т.д. [Ланских, 2008: URL: <http://www.rsl.ru>].

Активно используемая в политической коммуникации воздействующая функция языка, реализуется через применение речевых стратегий [Паршина, 2005: 18].

Учитывая все сказанное, при употреблении термина «стратегия» мы будем понимать ее как определенную направленность речевого поведения в данной ситуации в интересах достижения цели коммуникации.

Таким образом, мы можем констатировать отсутствие строгого терминологического единства при описании лингвистами речевых (коммуникативных) стратегий и тактик. Термины «коммуникативная стратегия» и «речевая стратегия» используются в работе как синонимы.

Стратегия как общая модель речевого поведения воплощается в конкретных вербальных формах – речевых тактиках.

2.1.1. Аргументативная стратегия в публичной речи С.В. Лаврова

Аргументация – это сложная и многогранная интеллектуальная деятельность, включенная практически во все сферы жизни человека, связанные с потребностью убеждения адресата в необходимости принятия выдвигаемого тезиса. Это разновидность коммуникативной деятельности, направленной на убеждение адресата при помощи аргументов (где аргумент – это средство убеждения, имеющее речевую форму выражения и апеллирующее к мыслительным способностям адресата и его личностным ценностям).

Процесс аргументации является неотъемлемой частью современной общественной жизни, даже если этот процесс становится просто средством достижения узких интересов определенных общественных групп [Юдина, 2001: 98].

Проблема аргументативной специфики речевого высказывания решается в современной науке в рамках логической, тактической, социально-психологической и риторической парадигм, а также в русле постулатов когнитивной психологии. Понятие «аргументация» относится к категориальному аппарату лингвистики, риторики, анализа дискурса (и лингвистики текста), логики, психолингвистики, прагмалингвистики.

В сфере политики важно не доказать истинность чего-либо, но утвердить свою мысль, привлекая на свою сторону единомышленников.

Данная стратегия реализуется в речи С.В. Лаврова при помощи следующих тактик:

1. Тактика иллюстрирования

Тактика иллюстрирования проявляется в использовании фактов и примеров.

В риторике иллюстративный тип аргумента считается одним из распространенных средств воздействия. Он имеет наглядную описательную форму.

*«Не смотря на то, что мой коллега заверял меня в обратном, я привел ему подробно те оценки, которые были изложены вчера **президентом РФ Владимиром Путиным** в начале встречи с **королем Иордании Абдулой II**. Привел **дополнительные факты**, которые мы сейчас анализируем и в частности упомянул о том, что по последней информации вот в этом самом районе, который наши турецкие коллеги считают населенным туркоманами, там не только, как сказал вчера президент, насчитывается несколько сотен, а может быть тысяч с лишним боевиков из числа граждан РФ, которые представляют прямую угрозу нашей безопасности и безопасности наших людей, но по имеющейся информации в этом же районе расположены и инфраструктура боевиков, включая склады с вооружением, боеприпасами, командные центры, пункты снабжения»*[Глава МИД РФ Сергей Лавров отвечает на вопросы журналистов телеканала «RussiaToday»; 25.11.2015].

*«Но даже если принять на веру то, что говорят наши натовские коллеги и то, что мне сегодня подтвердил **министр Чивушаглу**, что самолет находился в турецком воздушном пространстве **целых 17 секунд**, то я тут же вспомнил случай, который произошел **3 года назад, в 2012 году**, когда только начинала эта сирийская трагедия и тогда **Анкара** обвинила **Дамаск** в том, что сирийские ВВС сбили турецкий самолет, сказав, что он вторгся в воздушное пространство **Сирии**. **Господин Эрдоган**, который тогда был, по-моему, премьер-министром, выступая в парламенте, заявил, что краткое нарушение пространства, краткое нарушение границы никогда не может быть каким-либо предлогом для применения силы»*[Глава МИД РФ Сергей Лавров отвечает на вопросы журналистов телеканала «RussiaToday»; 25.11.2015].

*«Я в ответ на его призывы сохранять добрые отношения и наладить диалог по тому, что произошло, подтвердил сказанное вчера президентом: **во-первых**, диалог нужно продвигать до того, как ты применил силу в ситуации, которая вызывает массу вопросов; **во-вторых**, я, кстати,*

убежден, что дружеские отношения между российским и турецким народом не зависят от действий тех или иных политиков, но то, что касается нынешней стадии наших отношений и тех соглашений, которые мы заключали с турецким правительством, которые сейчас в **Анкаре** работают. Конечно, как сказал президент, мы будем серьезно переоценивать и переосмысливать все то, что сейчас происходит в наших отношениях под углом вот того нападения, которое было осуществлено на наш самолет<...>И все заклинания, которые мы слышим о том, что **Россия** вот наконец-то «активизировалась в политическом процессе», «надо вот продолжать этот процесс» – это все от лукавого, потому что **Россия** никогда не сбавляла обороты в своих усилиях политический процесс продвигать, начиная с принятия, по нашей инициативе Женевского коммюнике с июня 2012 года, который мы тут же принесли в Совет Безопасности ООН для одобрения, а американцы и европейцы категорически отказались это делать, заявив, что они могут одобрить это Женевское коммюнике с добавлениями о том, что Асад должен уйти. Вот и все. И одобрили его в итоге в совете безопасности только **1,5 года спустя**, когда принимали резолюцию по демилитаризации, по химической демилитаризации Сирии. И в последствии мы постоянно проявляли инициативу в том числе собирали сирийскую оппозицию и представителей правительства в Москве несколько раз, принимали документы, призывали других к сотрудничеству, но другие, в том числе те, кто американскую коалицию составляет, многие из них, делали ставку на военное решение, на свержение режима Асада, а потом, когда поняли, что это не получается, вот только тогда они изменили наконец свою позицию» [Глава МИД РФ Сергей Лавров отвечает на вопросы журналистов телеканала «RussiaToday»; 25.11.2015].

«Это подчеркивает лишний раз качество образования, которое здесь предлагается. И очень важно, что выпускники **МГИМО** занимают очень серьезные позиции в своих странах, в большинстве случаев они успешны в

бизнесе, в политике, в журналистике, есть и министры, и главы государств»[Лекция Сергея Лаврова студентам МГИМО; 2.09.2013].

«Россия стала членом организации экономического сотрудничества и развития. Эта работа продолжается. Мы уже участники целого ряда конвенций, механизмов, в том числе, связанных с борьбой с коррупцией и мы не будем форсировать наше вступление любой ценой, как это сделали многие наши соседи, когда они вступали в ВТО. Мы хотим присоединиться в ОСР на условиях, которые будут стандартными, и которые будут недискриминационными по отношению к Российской Федерации. Сколько времени эта работа займет – гадать не буду. Мы уже последние 10 лет предрекали ежегодное вступление в ВТО, поэтому лучше сконцентрироваться не на искусственно сформулированных сроках, а на существе дела»[Лекция Сергея Лаврова студентам МГИМО; 2.09.2013].

«В фокусе внимания нашего предыдущего заседания было обсуждение перспектив создания в рамках ШОС «Клуба губернаторов». Насколько нам известно, большинство субъектов положительно отнеслись к этой идее. Челябинская область в инициативном порядке разработала проект концепции нового органа. Считаю важным продолжать усилия по продвижению этой инициативы<...>Продвигается работа по укреплению гуманитарных связей, включая сетевой университет стран ШОС. Целый ряд вузов, в частности, Иркутский национальный исследовательский технический университет, Белгородский государственный национальный исследовательский университет подписали соглашения о сотрудничестве с партнерами из Казахстана и Китая. Продолжает свою деятельность Центр исследований ШОС и Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) на базе Хабаровского государственного университета. Попутно отмечу, что эти усилия способствуют упрочению позиций русского языка и российской культуры. Развивается молодежное сотрудничество<...>Укрепляется взаимодействие в области туризма – в Ташкенте в конце июня планируется подписание совместной программы по развитию

сотрудничества в этой области. Субъекты Российской Федерации ведут активную работу по продвижению трансграничных туристических маршрутов» [Сергей Лавров подводит итоги внешнеполитической деятельности 2015; 7.06.2016].

«Мы продолжаем полагаться на МГИМО в качестве главной кузницы кадров для МИД: 80% всех принятых в МИД молодых людей на работу в этом году окончили либо МГИМО, либо Дип. Академию» [Лекция Сергея Лаврова студентам МГИМО; 2.09.2013].

2. Тактика указания на перспективу

Тактика указания на перспективу направлена на то, чтобы выразить стратегические цели, позиции и намерения говорящего. Политики, оценивая ситуацию в стране (политическую, экономическую), часто пытаются дать прогноз развития событий в будущем.

Указание на перспективу включает предлагаемое решение и предполагаемый результат. Результат, как правило, рассматривается после того, как в тексте фиксируется предлагаемое решение.

*«По крайней мере отдачи от этого никакой мы не ждем, и я сказал об этом нашим западным партнерам, сказал об этом Джону Керри, который на днях звонил и предлагал поскорее собраться снова. Я сказал, что собираться ради того, чтобы провести очередную встречу и чтобы опять перетягивать канат совершенно бессмысленно и бесперспективно. Относительно судьбы Башара Асада – это трата времени. **Нужно договориться по террористам и по составу делегации оппозиции. Без этого процесс не двинется, без этого не начнутся переговоры, без этого нельзя обсуждать прекращение огня» [Глава МИД РФ Сергей Лавров отвечает на вопросы журналистов телеканала «RussiaToday»; 25.11.2015].***

«Мы провели очень подробные, доверительные и содержательные переговоры, уделив приоритетное внимание проблемам, связанным с сирийским урегулированием<...> На данном этапе особое внимание уделяется обеспечению полного и неукоснительного соблюдения режима

прекращения боевых действий при четком понимании, что из этого режима исключены ИГИЛ, «Джабхат ан-Нусра» и те, кто с ними сотрудничает. А также при понимании, что **необходимо перекрыть** контрабанду оружия и незаконную инфильтрацию боевиков в Сирию из-за границы, прежде всего через турецкую территорию. Решение этих задач **сделает более эффективной работу** по расширению гуманитарного доступа. Вместе с тем, уже сейчас мы наблюдаем значительный прогресс в деле доставки гуманитарной помощи нуждающемуся населению. Отмечаем конструктивные усилия, которые предпринимает сирийское Правительство. Считаю, что здесь, тем не менее, можно сделать еще больше»[Совместная пресс-конференция по итогам переговоров с заместителем Премьер-министра, Министром иностранных дел Иордании Н. Джодой, Москва; 9.06.2016].

«Мы воспринимаем сейчас применяемые к нам экономические ограничения как окно возможностей, которое **необходимо использовать** по максимуму, чтобы укрепить нашу продовольственную и технологическую безопасность, продолжать диверсификацию хозяйственного сектора и внешнеэкономических связей, создать, наконец, альтернативные эффективные финансовые механизмы и системы расчётов»[Интервью Министра иностранных дел России С.В.Лаврова газете и радиостанции «Комсомольская правда», Москва; 31.05.2016].

«По сути дела, это возвращение дискурса в то русло, которое было обозначено еще в 2003 г. во время российско-японского саммита, а затем подтвержденного в 2013 г. курса, когда Премьер-министр Японии С. Абэ приезжал в Россию с официальным визитом. Заключается этот курс в том, что для решения нами любых возникающих или старых проблем **необходимо нарастить** наше партнерство по всем направлениям, сделать его полномасштабным и стратегическим. Это касается торгово-экономических связей, особенно инвестиционной сферы (взаимных инвестиций), гуманитарных обменов, которые очень востребованы нашими

народами, и далеко не в последнюю очередь это касается нашего сотрудничества во внешнеполитической сфере по вопросам безопасности и стратегической стабильности»[Интервью Министра иностранных дел России С.В.Лаврова газете и радиостанции «Комсомольская правда», Москва; 31.05.2016].

*«Вслед за тем как в ответ на просьбу сирийского руководства мы начали свою воздушную операцию, коалиция, которую создали американцы за год до этого, тоже стала как-то подключаться к использованию своих ВВС для уничтожения этого незаконного бизнеса, который подпитывает эти поползновения на создание некоего «Исламского государства». Предстоит еще очень непростая борьба. Поэтому мы и говорим, что **сейчас необходимо** «отделить зерна от плевел» и увидеть главное, как в свое время увидели нацизм и фашизм в качестве главной угрозы и забыли обо всех разногласиях, которые тогда были идеологически глубокими»*[Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С.В.Лаврова в ходе встречи с молодежью в Белорусском государственном университете, Минск;16.05.2016].

*«По линии нашего совместного гуманитарного центра в г.Ниш мы предприняли усилия, чтобы оборудовать несколько пунктов для временного пребывания беженцев. Будем оказывать нашим сербским друзьям и другое содействие, чтобы они справились с этим процессом. Мы поддерживаем Сербию в вопросах, касающихся косовского урегулирования. Решать эти вопросы **необходимо** путем прямого и конструктивного диалога между Белградом и Приштиной, не допуская насилия (а такие рецидивы случаются, в том числе против православных храмов и других объектов в Косово) и отката от достигаемых договоренностей»*[Совместная пресс-конференция по итогам переговоров с Первым заместителем Председателя Правительства, Министром иностранных дел Республики Сербии И. Дачичем, Москва;1.04.2016].

*«Коротко обсудили положение дел на Ближнем Востоке и Севере Африке, прежде всего в контексте сирийского кризиса. Затронули ситуацию на Украине. Были едины в том, что **необходимо полностью выполнять** минский «Комплекс мер», который предполагает решение ключевых вопросов через налаживание прямого диалога Киева с Донецком и Луганском»[Совместная пресс-конференция по итогам переговоров с Первым заместителем Председателя Правительства, Министром иностранных дел Республики Сербии И. Дачичем, Москва; 1.04.2016].*

*«Нанесение решительного поражения ИГИЛ, «Джабхат ан-Нусре» и им подобным является непреложным условием обеспечения прав многострадальных народов Сирии, Ирака и в целом региона Ближнего Востока и Северной Африки. Особая задача – пресечь подпитку террористов извне, для чего **необходимо перекрыть** границу Сирии с Турцией, через которую идут поставки оружия бандитам, в том числе в колоннах с гуманитарной помощью, а сообщивших об этом журналистов отдают под суд и приговаривают к тюремному заключению на многие годы»[Выступление Министра иностранных дел России С.В.Лаврова в ходе сегмента высокого уровня 31-й сессии Совета ООН по правам человека, Женева; 1.03.2016].*

*«Давным-давно, когда еще только разрабатывалась концепция официальной помощи бедным странам, один из умных политиков сказал: «Давайте не удочку им давать каждый раз, а научим их ловить рыбу». Нельзя просто поставлять продовольствие, которое проедается, какие-то медицинские препараты из-за границы, чтобы их «подсаживать» на привязку к бывшей метрополии, а **необходимо создавать там производство, обучать их, строить школы. Этому уделяется все больше внимания. Конечно, это требует огромного количества усилий, средств и времени. Перемены не скоро произойдут, но процесс правильный»** [Интервью Министра иностранных дел России С.В.Лаврова телеканалу «Звезда»; 30.2.2015].*

*«Насчет сочетания и взаимосвязи внутренней и внешней политики, для нас с точки зрения дипломатии и внешнеполитической работы, прежде всего, важно обеспечивать безопасность и максимально благоприятные экономические условия для развития России. Это главное, что у нас есть в Концепции внешней политики. Это то, что сохранится и в новой редакции Концепции внешней политики, над которой мы сейчас работаем по поручению Президента России В.В.Путина. Это означает, что **мы должны** создавать условия, чтобы не дискриминировали наш бизнес, чтобы наши граждане, когда они путешествуют по миру, не подвергались дискриминации и каким-то противоправным действиям»*[Интервью Министра иностранных дел России С.В. Лаврова газете и радиостанции «Комсомольская правда», Москва; 31.05.2016].

3. Тактика контрастивного (сопоставительного) анализа

Тактика контрастивного анализа опирается на прием сопоставления.

Сопоставление фактов, событий, результатов, прогнозов воспринимается адресатом как убедительные аргументы:

*«Я бы здесь, наверное, начал с более широкой картины, не просто, что было 10 лет назадв Ираке и что происходит сейчас в Сирии, только потому, что **и там и здесь** намеренья начать боевые действия обосновывались тем, что в стране есть оружие массового уничтожения»* [Лекция Сергея Лаврова студентам МГИМО; 2.09.2013].

*«И я обратил внимание, вот возвращаясь к пресс-конференции президента Олланда и президента Обамы в Вашингтоне, что **президент Олланд предложил принять меры по закрытию турецко-сирийской границы**, чтобы прекратить и поток боевиков, и подпитку террористов. Показательно, что президент **Обама на это никак не отреагировал**, но я думаю, что это верное предложение»*[Глава МИД РФ Сергей Лавров отвечает на вопросы журналистов; 25.11.2015].

2.1.2. Информативно-интерпретационная стратегия в публичной речи С.В. Лаврова

Информационно-интерпретационная стратегия в основном представлена жанрами диалогической речи – интервью и таким новым жанровым образованием, как «прямая линия». В политических диалогах подобного типа на первый план выступает не содержательно-фактуальная информация, а содержательно-концептуальная, раскрывающая авторское понимание отношений между явлениями, фактами, событиями. На этом основании мы определили стратегию, которую используют руководители государства, а также представители высшего руководства страны при информировании о важнейших событиях социальной, экономической и политической жизни как информационно-интерпретационную.

1. Тактика признания существования проблемы используется, как правило, в ответной реплике диалога. На речевом уровне эта тактика манифестируется в виде высказываний бытийного типа с предикатами *существует, имеет место быть, есть*:

«Есть сложности и в таких областях, как, например, музейные обмены. Коллекция Й. Шнеерсона находится в Российской Федерации и является нашей собственностью. США же настаивают на удовлетворении иска общины американских хасидов, которые требуют вернуть её в США. Нельзя возвращать то, что никогда не покидало российскую территорию. Ещё в 1990-х гг. библиотека Конгресса США по абонементу попросила на время несколько книг. Мы до сих пор не можем их вернуть. Все сроки, когда это должно было быть сделано, давно прошли» [Интервью Министра иностранных дел России С.В. Лаврова итоговой программе «Сегодня» на телеканале НТВ; 19.10.2014].

«В наших двусторонних отношениях есть и целый ряд других проблем – не буду сейчас все их перечислять. Безусловно, американцы очень хотят (и Дж. Керри говорил мне об этом в Париже) возобновить переговоры о дальнейшем сокращении стратегических наступательных вооружений»[Интервью Министра иностранных дел России С.В. Лаврова итоговой программе «Сегодня» на телеканале НТВ; 19.10.2014].

*«Мы сегодня подписываем программу (межмидовского) сотрудничества на текущий год, которое вбирает в себя все **ключевые проблемы** современного мира. Это касается и общих задач борьбы с терроризмом и наркотрафиком, задач урегулирования конфликтов, ну и, конечно, проблематика Афганистана — все, что с ней связано, и то, как центрально-азиатские процессы, которые далеко не чужды Российской Федерации, протекают в рамках очень непростого современного быстро меняющегося мира»*[Интервью Министра иностранных дел России С.В. Лаврова информационному агентству «РИА Новости», Москва;20.12.2013].

2. Тактика разьяснения

Тактика разьяснения – другой необходимый компонент реализации информационно-интерпретационной стратегии. Разьяснение необходимо потому, что адресант должен учитывать отсутствие нужных фоновых знаний у собеседника и поэтому не ограничиваться простой констатацией факта, простой оценкой информации, но сопровождать свой ответ или выступление дополнительной информацией.

Характерной чертой разьяснения является наличие двух основных звеньев цепочки: того, что требуется разьяснить, и собственно разьяснения.

Первое звено разьяснения не всегда может быть выражено в тексте эксплицитно, но оно должно находиться в общем поле зрения собеседников.

Разьяснение часто обращено в прошлое: сообщается, как случилось, что данное положение дел имеет место. На речевом уровне тактика разьяснения реализуется в этом случае глаголами в форме прошедшего времени:

«Что касается конкретной меры, которую мы уже осуществили, я имею ввиду рекомендацию нашим гражданам не посещать Турцию – это не какая-то месть, это не сделано вот по горячим следам и с горячей головой. Нет, мы оценили наличие террористических угроз в Турции весьма объективно и эта рекомендация сделана на основе анализа ситуации объективного и всестороннего [Глава МИД РФ Сергей Лавров отвечает на вопросы журналистов телеканала «RussiaToday»; 25.11.2015].

«Вы знаете, я собирался лететь в Турцию по другой причине: у нас сложилась действовавшая до вчерашнего дня структура межгосударственного диалога. Верхушка этого диалога – это совместный совет высшего уровня, президентский совет с участием основных министров, а координирующей повседневной структурой является совет стратегического планирования, который возглавляет министр иностранных дел, и на сегодня как раз была запланирована очередная сессия, они проводятся поочередно в Турции-России. Очередная сессия вот этого совета стратегического планирования на уровне мен.ин.дел в Стамбуле. Но, разумеется, после вчерашнего нападения на наш самолет мы эту сессию отменили. Поэтому у нас пока нет каких-либо планов наносить визиты в турецкую республику или принимать здесь наших турецких коллег» [Глава МИД РФ Сергей Лавров отвечает на вопросы журналистов телеканала «RussiaToday»; 25.11.2015].

«Вот, а насчет коалиции по борьбе с терроризмом – это очень хороший вопрос, потому что Турция формально является членом коалиции, которую создали соединенные штаты. Кстати, помимо тех обязательств, которые содержатся в российско-американском меморандуме по линии военных «Об избежании инцидентов в воздухе и о принятии конкретных мер, которые в этом меморандуме перечислены<...> Две встречи в Вене закончились тем, что мы договорились, во-первых, что политический процесс должен быть ведомым самими сирийцами - только сами сирийцы могут определять судьбу своей страны, включая судьбу президента Асада,

между прочим. **Во-вторых**, мы договорились о том, что, для того, чтобы этот процесс пошел, нужно как можно скорее под эгидой ООН создать переговоры между правительством и оппозицией, а для этого определить наконец, кто же может представлять оппозицию в рамках единой сводной делегации» [Глава МИД РФ Сергей Лавров отвечает на вопросы журналистов телеканала «RussiaToday»; 25.11.2015].

*«Она исходит, эта концепция, из того, что мы хотим добиваться целей внешней политики на основе национальных интересов страны, на основе их твердого отстаивания, но без какой-либо конфронтации, прагматично и работая на равноправной, взаимовыгодной основе со всеми без исключения странами, которые готовы работать на тех же началах с нами<...>**Во-первых**, экономика всегда определяет политику, нормальную политику. **Во-вторых**, без интеграции полноценной в мировое хозяйство мы не сможем максимально успешно решать те задачи, которые перед нами стоят: задачи по всестороннему подъему российской федерации. И, **в-третьих**, не решив задач нашего собственного ускоренного инновационного эффективного развития мы не сможем укреплять и далее свои позиции на международной арене. **Поэтому** и членство в ВТО и переговоры о вступлении в организацию экономического сотрудничества развития – это шаги именно в этом направлении, и им руководство государства выделяет приоритетное внимание<...>**Что касается** переговоров с ОСР, то они идут, идут они непросто, **потому что** предстоит пройти очень большой объем договоренностей, выработать эти договоренности» [Лекция Сергея Лаврова студентам МГИМО; 2.09.2013].*

*«**Я понимаю** сложность для наших западных партнеровойти от этой вот узкой интерпретации антитеррористических задач, **потому что** как только мы вступаем в сферу определения кто же является террористом, так начинаются очень глубокие разногласия внутри западной коалиции» [Глава МИД РФ Сергей Лавров отвечает на вопросы журналистов; 25.11.2015].*

«В ходе заседания (СРН) упоминалась и ситуация на Украине. Попытки сделать эту страну объектом геостратегической борьбы губительны и для самой Украины, и для Европы, потому что это противоречит современным европейским устремлениям и тем задачам, которые выдвигали выдающиеся европейские лидеры (я имею в виду Президента Франции Ш.де Голля), когда говорили о едином европейском пространстве от Атлантики до Урала»[Интервью Министра иностранных дел России С.В.Лаврова телеканалу «Russiatoday», Москва; 24.12.2013].

«Прошедший на днях в Сочи юбилейный саммит Россия-АСЕАН показал, что страны Ассоциации с большим интересом восприняли эту идею, которая выдвигается и обсуждается на фоне тех процессов, о которых сейчас сказал Игорь Сергеевич – я имею в виду американскую инициативу о создании Транстихоокеанского партнёрства наряду с Трансатлантическим торговым и инвестиционным партнерством» [Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С.В.Лаврова в ходе встречи с молодежью в Белорусском государственном университете, Минск; 24.12.2013].

«Мы делаем больше, чем кто бы то ни был как с точки зрения облегчения гуманитарных страданий населения Юго-Востока, так и с точки зрения решения проблем, с которыми сталкиваются центральные власти в Киеве – я имею в виду нашу максимально гибкую позицию по урегулированию газовой проблемы»[Интервью Министра иностранных дел России С.В. Лаврова программе «Вечер с Владимиром Соловьевым» на телеканале «Россия1»; 25.12.2014].

Маркирующими элементами данной тактики являются слова «поэтому, потому что, а также выражения «я имею в виду, что...» и т.д.

3. Тактика комментирования

Близка к тактике разъяснения тактика комментирования, представленная высказываниями, поясняющими смысл контекста или некоторых слов, высказываний и выражаемых ими понятий. Материалы

нашего исследования показывают, что речевыми маркерами тактики комментирования часто являются дискурсивные слова, выполняющие рефлексивную (*правда, действительно, значит, видимо, вместе с тем, возможно*) и композиционно-строевую функцию (*преждевсего*), а также выражения «*хочу прокомментировать*», «*следует добавить, что...*» и т.п.:

*«ИГИЛ – первая террористическая организация, которая занимается не просто наведением страха по всему миру, а созданием квазигосударства. Оно себя так и называет «Исламское государство Ирака и Леванта», Ирака и Сирии, по-разному варьируя эти термины. В этом не только ее сила, но и опасность, потому что поставлена цель создания халифата от Португалии до Пакистана. Как это ни прискорбно, но у них уже сейчас получается, **правда** менее эффективно, чем до того как мы активизировали коллективную борьбу с терроризмом на Ближнем Востоке, вербовать сторонников» [Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С.В.Лаврова в ходе встречи с молодежью в Белорусском государственном университете, Минск;16.05.16].*

*«Попутно отмечу, что санкции Брюсселя наносят ощутимый ущерб экономикам государств-членов ЕС, разрушая создававшиеся десятилетиями связи между коммерческими операторами, в целом не способствуют укреплению стабильности и доверия на европейском континенте, по сути, порождают новые разделительные линии в Европе. **Вместе с тем** убеждены, что нам под силу преодолеть нынешний негативный тренд и выйти на траекторию устойчивого укрепления сотрудничества. Исходим из того, что разумной альтернативы взаимовыгодному партнерству между Россией и Евросоюзом не существует – слишком многое связывает нас в географическом, экономическом, историческом, просто человеческом плане [Интервью Министра иностранных дел России С.В. Лаврова венгерской газете «Мадьяр немзет»; 25.05.2016].*

*«Решение этих задач сделает более эффективной работу по расширению гуманитарного доступа. **Вместе с тем**, уже сейчас мы наблюдаем*

значительный прогресс в деле доставки гуманитарной помощи нуждающемуся населению [Совместная пресс-конференция по итогам переговоров с заместителем Премьер-министра, Министром иностранных дел Иордании Н. Джодой; 09.06.2016].

4. Тактика признания существования проблемы

Тактика признания существования проблемы используется, как правило, в ответной реплике диалога. На речевом уровне эта тактика манифестируется в виде высказываний бытийного типа с предикатами *существует, имеет место быть, есть*:

«Есть сложности и в таких областях, как, например, музейные обмены. Коллекция Й. Шнеерсона находится в Российской Федерации и является нашей собственностью. США же настаивают на удовлетворении иска общины американских хасидов, которые требуют вернуть её в США. Нельзя возвращать то, что никогда не покидало российскую территорию. Ещё в 1990-х гг. библиотека Конгресса США по абонементу попросила на время несколько книг. Мы до сих пор не можем их вернуть. Все сроки, когда это должно было быть сделано, давно прошли» [Интервью Министра иностранных дел России С.В. Лаврова итоговой программе «Сегодня» на телеканале НТВ; 19.10.2014].

*«В наших двусторонних отношениях есть и целый ряд **других проблем** – не буду сейчас все их перечислять. Безусловно, американцы очень хотят (и Дж. Керри говорил мне об этом в Париже) возобновить переговоры о дальнейшем сокращении стратегических наступательных вооружений»* [Интервью Министра иностранных дел России С.В. Лаврова итоговой программе «Сегодня» на телеканале НТВ; 19.10.2014].

5. Тактика указания на путь решения проблемы

Тактика указания на путь решения проблемы также является специализированной в информационно-интерпретационной стратегии. Она предполагает использование определенных приемов: 1) указание на возможные решения; 2) указание на возможные способы достижения

решения; 3) указание на возможные результаты решения. Наблюдения показывают, что маркерами тактики указания на путь решения проблемы являются чаще всего 1) формы будущего времени глаголов несовершенного вида (*будут развиваться, будет формироваться, будет происходить, будем ориентироваться, будет направляться*) и 2) формы составного именного сказуемого с глаголами в роли показателя будущего времени (*будет позитивный эффект, будет реальным вкладом, будет обращено внимание*):

*«Многофункциональная, многокомпонентная ситуация. Она требует межведомственного анализа, он **будет оперативно проведен, будут подготовлены предложения** для доклада президенту. Надеюсь, что это все произойдет быстро и мы, конечно, не будем делать каких-то предложений, которые **будут искусственно создавать** такое отчуждение между народами наших стран [Глава МИД РФ Сергей Лавров отвечает на вопросы журналистов телеканала «RussiaToday»; 25.11.2015].*

*«Такой вопрос, конечно, возникает, **что нужно сделать Турции для того, чтобы** отношения нормализовались. Вы знаете, наверное, **нужно все-таки сделать выводы** из того, что подобное нападение, которое произошло вчера, оно является абсолютно недопустимым» [Глава МИД РФ Сергей Лавров отвечает на вопросы журналистов телеканала «RussiaToday»; 25.11.2015].*

*«Это сейчас официальный документ совета безопасности ООН. Есть у нас и другие материалы, которые мы **будем готовы предъявить** нашим партнерам, в том числе те данные объективного контроля, которые мин. обороны уже распространило, как я понимаю в том, что касается маршрута самолета» [Глава МИД РФ Сергей Лавров отвечает на вопросы журналистов телеканала «RussiaToday»; 25.11.2015].*

«Эта ситуация не может не сказаться на тех усилиях, которые мы предпринимаем в рамках так называемого венского процесса, в рамках созданной международной группы поддержки Сирии. В ней обсуждаются, как я уже сказал, не только сугубо политические аспекты подготовки

переговоров, но и важнейший вопрос о формировании общего подхода к террористическим организациям. Такая договоренность уже есть. Этот список должен быть согласован. Думаю, что теперь мы будем настаивать на том, чтобы помимо этого списка члены этой группы согласовали также и общие понимания тех каналов, по которым террористы получают подпитку и поддержку. Ну, наверное, придется с конкретными странами даже как-то вот **разбираться и принимать решения** о том, чтобы подобная поддержка прекращалась. Я думаю, что мы можем и в совете безопасности этот **вопрос поставить**, потому что целая серия резолюций принята о недопущении покупки нефти с территорий, которых захватили террористы, о недопущении покупки награбленных артефактов, недопущении других видов торговли с ними»[Глава МИД РФ Сергей Лавров отвечает на вопросы журналистов телеканала «RussiaToday»;25.11.2015].

«Думаю, **надо оживить сейчас** эту тему в Нью-Йорке, **попробуем сегодня**, может быть даже **получится** такое короткое поручение совета безопасности, **внести для одобрения** членами совета поручения генеральному секретарю **рассказать** о том, что им известно о том, как подписывается ИГИЛ, как торговля нефтью идет, артефактами и как **по-иному** поддерживаются террористические группы. Пусть обобщат информацию и нам ее представят, не обязательно в виде официального доклада, но, чтобы хотя бы что-то у нас было в качестве отправной точки»[Глава МИД РФ Сергей Лавров отвечает на вопросы журналистов телеканала «RussiaToday»; 25.11.2015].

«**Рассчитываем**, что запланированная в рамках Года насыщенная программа мероприятий в различных областях **предоставит молодым людям хорошую возможность** ближе познакомиться и лучше понять друг друга, **будет способствовать** поддержанию доверия и взаимопонимания между двумя народами. **В обозримом будущем** именно молодежи **предстоит взять на себя ответственность** за выстраивание

гармоничных отношений между нашими странами, за определение основных направлений двустороннего сотрудничества» [Совместная пресс-конференция по итогам переговоров с заместителем Премьер-министра, Министром иностранных дел Иордании Н. Джодой, Москва; 9.06.2016].

«Реализация этого важного проекта будет иметь очень важное значение, прежде всего для Иордании и для нашего сотрудничества» [Совместная пресс-конференция по итогам переговоров с заместителем Премьер-министра, Министром иностранных дел Иордании Н. Джодой, Москва; 9.06.2016].

2.1.3. Стратегия создания позитивной тональности общения в публичной речи С.В. Лаврова

Стратегия создания позитивной тональности общения призвана снять «барьеры в общении», сформировать у собеседника положительное отношение, а также демонстрирует особый, доверительный статус межличностных отношений коммуникантов. Эта стратегия важна для любого типа коммуникации, ведь человек бессознательно стремится к тому, что доставляет ему удовольствие. В своих выступлениях С.В. Лавров реализует данную стратегию при помощи как вербальных, так и невербальных средств (доброжелательное выражение лица, улыбка, открытые позитивные жесты, тон, искренность, активное и внимательное слушание).

Стратегия создания позитивной тональности общения реализуется с помощью следующих тактик:

1. Тактика выражения положительного эмоционального состояния:

«Рад нашей очередной встрече, которую мы по традиции проводим в день знаний. Особенно рад, поприветствовать первокурсников и пожелать им влиться в этот коллектив, в полной мере освоив и усвоив его традиции и продолжая преемственность <...> Мне приятно, что в МГИМО, да и в дип. академии много студентов из самых разным стран: как наших близких

стран, так и стран дальнего зарубежья [Лекция Сергея Лаврова студентам МГИМО;2.09.2013].

«Сердечно приветствую участников и гостей церемонии открытия российско-германского Года молодежных обменов, проводимого по инициативе Президента России В.В.Путина и Федерального канцлера ФРГ А.Меркель<...>Радует, что они сохраняют позитивную динамику и продолжают поступательно развиваться и сегодня <...>Я с удовольствием принял это приглашение [Приветствие Министра иностранных дел России С.В.Лаврова участникам и гостям церемонии открытия российско-германского Года молодежных обменов;9.06.16].

2. Тактика выражения согласия:

«Переговоры с Генеральным секретарем Совета Европы (СЕ)Т.Ягландом прошли в конструктивном, деловом ключе и позволили обсудить многие вопросы, представляющие взаимный интерес. Согласны с необходимостью укрепления авторитета Совета Европы как важного инструмента развития равноправного, универсального общеевропейского сотрудничества, уникальной организации, обеспечивающей на европейском континенте за счет своих конвенционных механизмов единство правового и гуманитарного пространства Европы» [Совместная пресс-конференция по итогам переговоров с Генеральным секретарем Совета Европы Т. Ягландом, Москва; 28.11.2014].

«Наши партнеры коснулись и ситуации в Сирии. Они заверяли нас, что ищут только политическое решение и что военного быть не может – здесь мы полностью согласны» [Пресс-конференция по итогам заседания Совета Россия-НАТО на министерском уровне, Брюссель; 4.12.2012].

«Россия готова продолжать выполнение своих функций посредника в переговорах и гаранта достигаемых договоренностей, - указал он. - У нас общее видение роли формата "5+2" как единственного общепризнанного, в рамках которого должен проходить переговорный процесс. Согласны с тем, что надо постепенно, на основе тактики малых, но конкретных шагов

восстанавливать жизнеспособность этого механизма и переходить от простых вопросов к решению сложных, в том числе и определению окончательного статуса Приднестровья в рамках единой неделимой нейтральной Молдавии» [Интервью информационному агентству ТАСС; 4.04.2016].

3. Тактика комплимента (обычно скрытая):

«В целом, я все-таки должен поблагодарить создателей этого сериала, потому что наши отношения с Хиллари все-таки показаны гораздо более целомудренно, чем отношения с некоторыми другими персонажами» [1 канал, «Вечерний Ургант», 24.10.2012].

«Вы знаете, вы напрасно поскромничали и отнесли свой вопрос к категории не очень важных тем и направлений российской внешней политики» [Лекция студентам МГИМО; 2.09.2013].

«Не могу сказать, что у нас есть какие-либо сложности в контактах с президентом Украины Порошенко, по крайней мере на уровне руководителей двух стран. Идёт регулярный диалог. Я в контакте со своим коллегой - министром иностранных дел Украины Павлом Климкиным<...> Порошенко – лучший шанс, который в настоящее время есть у Украины» [ТАСС: 16.12.2014].

«У нас общая позиция, Россия и Иордания убеждены, что соответствующие резолюции СБ ООН, Мадридские принципы, Арабская мирная инициатива заложили прочную основу, на которой необходимо добиваться всеобъемлющего урегулирования. Мы признательны нашим иорданским друзьям за последовательную поддержку деятельности «квартета» международных посредников <...> Сегодня мы с моим другом, Министром иностранных дел Иордании Н. Джодой могли констатировать, что договоренности, достигнутые между Президентом России В.В.Путиным и Королем Иордании А. ибн Хусейном, в целом выполняются [Совместная пресс-конференция по итогам переговоров с заместителем

Премьер-министра, Министром иностранных дел Иордании Н. Джодой;9.06.2016]».

ВЫВОДЫ ПО 2 ГЛАВЕ

В результате проведенных исследований было выяснено, что понятие речевых стратегий и тактик различается в работах современных исследователей. Группируются они на том основании, что в разных научных направлениях исследуются отдельные аспекты этого многогранного феномена.

В беседе политик использует в основном три стратегии (аргументативная стратегия, информативно-интерпретационная стратегия, стратегия создания положительной тональности общения), которые свойственны для его публичных выступлений.

Таким образом, мы установили основные часто используемые тактики и стратегии, характерные для речи С.В. Лаврова. И смогли убедиться, что выбор речевых стратегий и тактик играет важную роль при ведении разговора – достигнут или нет коммуниканты цели общения.

Коммуникативные стратегии и тактики являются главными составляющими речевого воздействия – новой интегральной науки, которая формируется как наука об эффективном общении. С.В. Лавров – человек с хорошо сформированной логико-аргументативной и тактико-стратегической субкомпетенцией. Независимо от тональности общения, диалоги с его участием коммуникативно удачны и ведут к желаемому результату.

ГЛАВА 3. СРЕДСТВА ЭКСПЛИКАЦИИ ОЦЕНКИ В РЕЧИ С.В. ЛАВРОВА

3.1. Типы оценок и языковые средства экспликации оценки

На протяжении веков категория оценки изучается в философии, логике, риторике, психологии и других науках.

Понятие оценки, восходящее к слову «ценности», определяет особенности взаимодействия человека и окружающего мира. «Объективный мир членится говорящим с точки зрения его ценностного характера – добра и зла, пользы и вреда, истинности и ложности и т.п. Фундаментом понятия оценки является философская теория ценностей, что делает оценку универсальной категорией (вряд ли существует язык, в котором отсутствуют понятия «хорошо» и «плохо»), а речевую ситуацию оценки – типовой, требующей отбора и использования определенных языковых средств для выражения оценочного значения» [Фомина: URL: <http://www.lib.csu.ru/vch/098/149.pdf>].

Н.Д. Арутюнова отмечает, что «оценка относится к числу собственно человеческих категорий. Она задана физической и психической природой человека, его бытием и чувствованием, она задает мышление и деятельность, отношение к другим людям и предметам действительности, его восприятие искусства». По утверждению исследовательницы, «для того, чтобы оценить объект, человек должен «пропустить» его через себя: природа оценки отвечает природе человека» [Арутюнова, 1988: 58]. Человек определяет, что для него является хорошим, а что плохим. Он оценивает окружающий мир с точки зрения добра и зла, пользы и вреда и т.п. «В конечном счете, мерилom ценности всего сущего является сам человек в совокупности всех проявлений его жизнедеятельности» [Василенко 1964: цит. по: Вольф, 1985: 22].

Исследованию языковой оценки посвящены работы многих исследователей (Вольф, 1981; Хидекель, Кошель, 1983; Арутюнова, 1988; Ивин, 1970; Маркелова, 1996 и др.).

Одна из наиболее известных типологий частнооценочных значений, на которую опираются многие исследователи, была предложена Н.Д. Арутюновой. В основание этой классификации положена мотивация. Оценки распределяются по типам в зависимости от тех причин, по которым субъект выносит оценку. Исходя из этого принципа, исследовательница делит все оценочные значения на несколько категорий [Арутюнова, 1988].

Типы оценок по Н.Д. Арутюновой:

- 1) сенсорно-вкусовые (вкусный, приятный);
- 2) психологические (интересный, глупый, грустный);
- 3) эстетические (красивый, симпатичный);
- 4) этические (аморальный);
- 5) утилитарные (полезный, вредный);
- 6) нормативные (правильный);
- 7) телеологические (удачный, целесообразный).

Важным в лингвистике является противопоставление объективных и субъективных оценок. В его основе позиция человека, которую он занимает при оценивании. Оценочная норма устанавливается обществом. Человек как член общества не может быть безразличным к социальным стереотипам, традициям, общепринятым ценностям. А потому объективная оценка того или иного объекта соответствует представлениям общества об этом объекте.

С другой стороны, каждый человек – это уникальная, неповторимая личность со своим индивидуальным миром, со своими взглядами, мнениями, способностью оценивать окружающую действительность по собственному усмотрению. Субъективная оценка исходит из той системы ценностей, которая присуща отдельному индивиду и, соответственно, может не совпадать с мнением общества.

«Оценка более чем какое-либо другое значение, зависит от говорящего субъекта. Связь оценочного значения с автором речи многогранна. Оценка выражает личные мнения и вкусы говорящего, а они различны у разных людей. Во внутреннем мире человека оценка отвечает мнениям и

ощущениям, желаниям и потребностям, долгу и целенаправленной воле. Это создает ее конфликтность: оценка, порожденная желанием, отлична от оценки, вытекающей из долга, и от оценки, вызванной нуждой» [Арутюнова, 1988: 6].

Особенностью оценки в языке является асимметрия между положительной и отрицательной зонами, «обозначения плохого более дифференцированы, чем обозначения хорошего» [Чернейко, 1996: 47]. Это связано, по мнению многих исследователей, с психической предрасположенностью человека считать хорошее нормой. В психологии существуют представления, согласно которым человек гораздо тоньше и лучше различает то, что вызывает у него дискомфорт. По мнению психологов, знания, связанные с неприятными для человека впечатлениями, отрицательными эмоциями, болезненными ощущениями, более дифференцированы, чем знания, основанные на позитивных эмоциях. С другой стороны, психолингвисты выдвинули предположение, суть которого сводится к тому, что тенденция употреблять оценочные слова позитивного характера чаще, разнообразнее и с большей легкостью, чем оценочные слова негативного характера, присуща всем языкам. Однако русская речь в современном ее состоянии выпадает, по словам Л.О. Чернейко [Чернейко, 1996], из этой оптимистической универсалии.

Оценочные средства языка исследуются на разных языковых уровнях (морфологическом, лексическом, синтаксическом), анализируется функционирование оценочных единиц в тексте и дискурсе, ведется поиск связей языковой оценки и различных характеристик личности (гендерных, национальных, психологических) и т.д. [Воропаева, 2001; Шаховский, 2008; Колясева, 2008; Сребряннская, 2008 и др.].

Способы выражения оценки могут быть представлены единицами разных уровней (начиная с аффиксов и заканчивая целыми высказываниями).

К одному из способов выражения оценочного значения относят словообразовательные возможности языка (Т.И. Вендина, Г.А. Золотова, В.В.

Виноградов, В.Н. Телия, Н.С. Ковалев). Т.И. Вендина считает, что именно в словообразовании ярче всего реализуется идея связи сознания со структурой языка, а внимательное изучение факторов словообразования может дать ответ на вопрос, «какие ценности и почему удерживаются сознанием, и что в языковом сознании народа является жизненно важным. Словообразовательные средства, используемые для актуализации оценочных признаков многообразных предметов и явлений внешнего мира, позволяют репрезентировать картину ценностных ориентаций русского языка» [Вендина, 1997: 46-47].

В работе Г.А. Золотовой «О категории оценки в русском языке» выделяются различные аффиксы субъективной оценки: -оньк-, -еньки-, -онечк-, -охоньк-, -ёхоньк-, -ёшеньк-, -к-, -ечк-, -оват-, -еват- со значением усилительности, -ок-, -ик-, -чик-, -ишек-, -ец-, -(и)ца, -ц(о) со значением уменьшительности и ласкательности [Золотова, 2007: 274]. В.В. Виноградов, выделяя уменьшительно-ласкательные суффиксы -ок-, -ёк-, -ик-, -чик-, -ец-, подчёркивает, что «при их посредстве выражаются самые разнообразные оттенки экспрессии: сочувствие, ирония, пренебрежение, злоба, пёстрая и противоречивая гамма эмоций и оценок» [Виноградов, 1986: 101].

Большинство лингвистов, однако, считают, что основным уровнем выражения оценки является лексический (В.В. Виноградов, Т.И. Вендина, Е.С. Скобликова, З.К. Темиргазина, Г.Ф. Гибатова, Е.Ф. Петрищева и др.). В качестве лексических средств выражения оценочного значения рассматриваются имена существительные, имена прилагательные, глаголы, наречия. «Слово не только обладает грамматическими и лексическими, предметными значениями, но и в то же время выражает оценку» [Виноградов, 1986: 21]. Особенно ярко оценочное значение выражено именем прилагательным. Оно присуще прилагательному как части речи, обозначающей признак, свойство, качество предмета, поэтому оно присутствует в большинстве оценочных высказываний. Согласно теоретическому положению, сформулированному Ш. Балли, «любая

категория оценочных слов ведёт своё происхождение от прилагательных» [Балли, 2003: 271]. Т.В. Маркелова, говоря о лексическом составе языка, пишет, что «он непосредственно отражает те изменения, которые происходят в обществе» [Маркелова, 1993: 14].

Значение оценки может быть выражено и единицами синтаксического уровня – предложением, и его речевой реализацией – высказыванием. В работах Т.В. Маркеловой, З.К. Темиргазиной основное внимание уделяется синтаксическим средствам выражения категории оценки. Как отмечает А.П. Сквородников, «именно синтаксис таит в себе огромные стилистические возможности, которые заключаются преимущественно в его способности передавать тончайшие оттенки мысли» [Сквородников 1984: 155; цит. по Погорелова, Яковлева, 2012: 164].

3.2. Языковые способы выражения отрицательной оценки в речи С.В. Лаврова

Анализ публичной речи С.В. Лаврова проводился по следующей схеме:

1. Объект оценки;
2. Способ выражения оценки (эксплицитный или имплицитный);
3. Языковые средства выражения оценки (оценочные прилагательные, коннотативы, эмотивы).

Эксплицитная отрицательная оценка реализуется «конкретным словом, несущим отрицательно-оценочное значение, или посредством грамматических показателей отрицания, которые меняют значение слова на отрицательно-оценочное, а также при помощи оценочных аффиксов, которые добавляют оценочный компонент к нейтральному слову, а имплицитная оценка реализуется посредством стилистических приемов (метафор, метонимий, сравнений, антитезных высказываний) или контекстуальной интерпретации дискурса. При этом конвенциональные средства, такие, как узуальные (стертые) метафоры, сравнения и метонимии относятся к эксплицитным способам выражения оценки» [Зайцева, 2006: 108].

Объектами отрицательной оценки в публичных речах С.В. Лаврова являются следующие мишени: западные лидеры, европейские лидеры, Б.Х. Обама, Р.Т. Эрдоган, П.А. Порошенко, НАТО и др.

Мишень: западные лидеры.

«Я еще раз вам скажу, что они никогда не отказывались от разговора с Киевом. Да, они ее провозгласили, но сказали, что готовы разговаривать. И этот разговор поддержали мы, немцы и французы, и его итогом стали Минские договоренности. Можно хлопать дверью или брать пример с тех, кто за неумением пользоваться дипломатическими, политическими инструментами начинает сразу грозить признанием, введением санкций и т.д.»[Интервью Министра иностранных дел России С.В.Лаврова газете и радиостанции «Комсомольская правда», Москва; 31.05.2016].

Имплицитный способ выражения оценки, задействован фразеологизм «хлопать дверью». С.В. Лавров использует словосочетание «хлопать дверью», выражающее негативную оценку поведения европейских руководителей по отношению к исполнению Минских договоренностей Украиной. Это значение отрицательной оценки возникает из контекстного окружения данного словосочетания, которое тяготеет к фразеологизму со значением «уходить с раздражением».

Мишени: Президент Украины П.А. Порошенко и украинские представители.

«Действительно, украинские представители и сам Президент Украины П.А.Порошенко в последние два-три месяца просто одержимы тем, что нужно обязательно обеспечить какие-то силы безопасности на всей территории Донецкой и Луганской республик, и только после того, как все эти территории будут взяты под международный вооруженный контроль, будет возможно проводить реформы, объявлять выборы, менять конституцию и т.д.»[Интервью Министра иностранных дел России С.В.Лаврова для программы «Вести в субботу»; 4.06.2016].

Отрицательная оценка в данном случае выражена эксплицитно. Характеризуя действия нынешней украинской власти С.В. Лавров использует краткое прилагательное «одержимы», т.е. «находящийся во власти чего-либо, охваченный чем-либо» с явным отрицательным смыслом.

Мишень: турецкое правительство.

*«Я считаю то, что делают турки, заслуживает гораздо большего публичного внимания со стороны наших западных партнеров. Они все считают, что они «союзники» и сами между собой разберутся. Это очень **нехорошая** позиция»*[Интервью Министра иностранных дел России С.В.Лаврова газете и радиостанции «Комсомольская правда», Москва; 31.05.2016].

Оценка выражена эксплицитно. Критикуя действия турецкой власти С.В. Лавров вместо слова «союзники» использует уменьшительное «союзнички», тем самым преуменьшая их значение. Характеризуя саму ситуацию он использует прилагательное «нехорошая». В толковом словаре С.А. Кузнецова приведена следующая трактовка этого слова – «не имеющий хороших качеств; плохой, дурной».

Мишень: Н. Савченко.

*«Девушка специфическая, кстати, достаточно **упитанная**. Я думаю, уже все понимают, что стоят ее **истерики про голодовку**. Она хочет стать президентом, воевать против нас, еще чего-то хочет»* [Интервью Министра иностранных дел России С.В. Лаврова газете и радиостанции «Комсомольская правда», Москва; 31.05.2016].

Отвечая на вопрос о поведении Н. Савченко, находящийся уже на территории Украины С.В. Лавров употребляет причастие «упитанная», которое отражая положительную оценку к физическому состоянию объекта речи, имплицитно имеет негативную окраску, так как для каждой женщины подобное физическое состояние нежелательно. И свою иронию он развеивает вторым предложением «Я думаю, уже все понимают, что стоят ее

истерики про голодовку. Она хочет стать президентом, воевать против нас, еще чего-то хочет».

Мишень: украинские политики, Н. Савченко.

*Знаете, если Н.Савченко нам будет делать гадости (а кто нам не делает гадости сейчас на Украине? Там практически не осталось политиков, которые могут с нами нормально разговаривать), я считаю, что пусть это будет **головная боль Украины***»[Интервью Министра иностранных дел России С.В. Лаврова газете и радиостанции «Комсомольская правда», Москва; 31.05.2016].

Способ выражения имплицитный через устойчивое выражение с отрицательной окраской «головная боль», то, что «беспокоит», «ощущение физического и морального страдания».

Мишень: европейские и западные партнеры.

*«Высший комитет по переговорам – говорит, что они не могут участвовать в переговорах, потому что Президент Сирии Б.Асад не ушел. **Этот цирк продолжается уже давно***»[Интервью Министра иностранных дел России С.В. Лаврова газете и радиостанции «Комсомольская правда», Москва; 31.05.2016].

Оценка выражена эксплицитно. Указывая на политическую неадекватность своих европейских партнеров и СБ ООН, особенно группы, «сколоченной» при турецкой поддержке политик использует экспрессивно-окрашенный фразеологизм «цирк продолжается», который в словаре фразеологических единиц расшифровывается как «удивление, недоумение при обнаружении чего-либо нелепого, несуразного»; так говорят «о каком-либо нелепом событии, факте, вызвавшем у говорящего удивление своей несуразностью».

Мишень: НАТО.

*«Отношение **крайне отрицательное**, мы этого не скрываем. Думаю, все прекрасно понимают пагубность дальнейшего расширения НАТО, что лишь передвигает разделительные линии на континенте*»[Совместная пресс-

конференция по итогам переговоров с Генеральным секретарем Совета Европы Т.Ягландом, Москва; 28.11.2014].

Оценка выражена эксплицитно. Отвечая на вопрос журналиста о возможном вступлении Украины в НАТО С.В. Лавров использует прилагательное «отрицательно», которое в словаре А.С. Кузнецова толкуется как «вызывающий неодобрение; плохой по своим качествам, свойствам». Кроме этого прилагательное усиленно наречием «крайне», которое в данном предложении выступает в роли усилительного слова – оно усиливает утвердительный характер выражения.

Мишень: западные и европейские партнёры.

«Говорят: «Президент Сирии Б.Асад уйдет и все будет хорошо». Ушел С.Хусейн и стало хорошо в Ираке? По-моему, нет. М.Каддафи, зверски убили, да еще наслаждались этим чудовищным зрелищем. Что стало с Ливией? Нет государства. Так под огромным вопросом и государственность Ирака. Поэтому только вместе и только без двойных стандартов»[Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С.В.Лаврова в ходе встречи с молодежью в Белорусском государственном университете, Минск; 16.05.2016].

Оценка выражена эксплицитно. Описывая смерть М. Каддафи использует наречие «зверски», которое в словаре А.С. Кузнецова трактуется как «жестокий, свирепый, дикий», показывая нечеловеческий, а животный поступок западных политиков, усиливая эффект сказанного прилагательным «чудовищный», т.е. «устрашающе уродливый; безобразный».

Мишень: западная коалиция, союзники Турции.

«И в адрес Турции за нападение на российский самолет высказывали очень нелицеприятные оценки, но пресловутая солидарность союзников все-таки возобладала и принцип консенсуса, конечно, мы понимаем, что Турция никогда бы не пропустила какие-либо критические комментарии в общей позиции, которую излагал генеральный секретарь НАТО, но мы также

знаем, что заявления, которые сделал генеральный секретарь не были дословно согласованы всеми»[Интервью телеканалу RussiaToday; 25.11.2015].

Оценка выражена эксплицитно. В интервью телеканалу «RussiaToday» С.В. Лавров использует словосочетание **пресловутая солидарность**, оценочная функция которого возрастает благодаря получившемуся оксюморону: пресловутая – «широко известная своими сомнительными, отрицательными качествами», прилагательное, имеющее явно выраженную эксплицитную отрицательную оценочность, а солидарность – «деятельное сочувствие каким-нибудь мнением или действием, единомышленники»[Кузнецов:URL: <http://www.gramota.ru>], существительное, имеющее ярко выраженную имплицитную оценочность. Таким образом, оксюморон как стилистическая фигура, созданная политиком в ходе речевой деятельности, усиливает эффект отрицательной оценки.

Мишень: страны, которые недоброжелательно относятся к России.

В своем интервью газете и радиостанции «Комсомольская правда» С.В. Лавров на вопрос журналистов о том, «в какой стране помимо России он хотел бы на один день стать Министром иностранных дел», он дал следующий ответ: «Есть пара стран, которые сейчас нам **кровь портят**. Туда бы на денечек я бы попал, чтобы прекратить безобразия» [Интервью Министра иностранных дел России С.В.Лаврова газете и радиостанции «Комсомольская правда»; 31.05.2016].

Использование фразеологизма **кровь портят**, имеющего разговорную стилистическую окрашенность показывает критический настрой политика нежеланием некоторых стран жить миролюбиво. В фразеологическом словаре выражение «портить кровь» трактуется как «доставлять большие неприятности, сильно раздражать». Здесь же необходимо указать на абстрактное существительное **безобразия**, употребленного во втором значении «безобразный поступок». Имплицитно названные им страны могут трактоваться не как «пара стран» оцениваемых политиком, а как значительно большее число, входящих в этот круг «портящих кровь» государств.

Мишень: Барак Обама.

*«Оставьте это на его совести<...> Написать ему речь не успели, а сам он не может формулировать **достойно**»* [Интервью телеканалу RussiaToday; 3.03.2015].

Оценка выражена эксплицитно. Отвечая на высказывание Б. Обамы, который обвинил российскую власть в убийстве Б. Немцова, С.В. Лавров выразил свое неприятие к такому обвинению, используя наречие «достойно» в сочетании с отрицательной частицей «не», т.е. акцентировал внимание на том, что глава государства США не способен самостоятельно, «подобающим образом, так, как следует» главе государства отвечать на вопросы.

Мишень: Реджеп Тайип Эрдоган.

*«Я этого заявления не слышал, но странно, что оно последовало через много-много дней после того, как тема нелегальной торговли нефтью уже попала в медийное пространство, когда мы предъявили конкретные факты. Не знаю. **Можно только пословицу про шапку вспомнить**»* [Интервью Министра иностранных дел России С.В. Лаврова газете и радиостанции «Комсомольская правда»; 3.12.2015].

Способ выражения оценки имплицитный. С.В. Лавров не сказал прямо, что президент Турции причастен к вывозу нефти с территории Сирии, однако использовал устойчивый фразеологизм, пословицу «на воре и шапка горит», подразумевая, что преступник всегда выдает себя своим поведением. В данном случае перекладывая вину на Россию.

Мишень: западные коллеги.

*«Люди (на Западе) явно заняты выискиванием хоть какого-то повода для того, чтобы продолжать оказывать на нас давление. Но, во-первых, все эти поводы выглядят **смехотворно и ничтожно**. Во-вторых, никогда еще попытки оказывать давление на Россию не приносили результата»* [Интервью Министра иностранных дел России С.В. Лаврова газете и радиостанции «Комсомольская правда»; 19.07.2014].

Способ выражения оценки эксплицитный. С.В. Лавров использует для описания поводов, которые находят западные коллеги для давления на Россию прилагательными «смехотворно», т.е. «достойный насмешки, осмеяния» и наречием «ничтожно» в значении «чрезвычайно малый, незначительный», показывая тем самым бесполезность подобных действий.

Мишень: Латвия.

*"До сих пор **больные** люди выставляют какие-то счета на 185 миллиардов евро, не знаю за что. За то, что мы создали там промышленность, модернизировали их экономики, вкладывая в них на душу населения намного больше, нежели непосредственно в РСФСР? Считаю, что это люди с уже **неисправимой психикой**"* [Интервью телеканалу RussiaToday; 09.12.2015].

Способ выражения оценки эксплицитный. В данном тексте С.В. Лавров прямо высказывается о власти Латвии, характеризуя их при помощи прилагательного «больные», усиливая его прилагательным «неисправимый», т.е. «такой, которого трудно, невозможно исправить».

Мишень: уголовный трибунал по бывшей Югославии.

*«Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии — политизированный и **предвзятый**, и он должен быть закрыт»<...>«Мы усматриваем существенную политизированность, **предвзятость** в работе Международного трибунала по бывшей Югославии. Выступаем за его скорейшее закрытие»* [Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В.Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Первым заместителем Председателя Правительства, Министром иностранных дел Республики Сербии И.Дачичем; 11.04.2016].

Оценочные прилагательные «*политизированный*» и «*предвзятый*», имеют двоякое значение признак и действие, что свойственно причастию как дуалистической по значению части речи. Выстроенные в однородный ряд и обособленную позицию, эти прилагательные несут значительную негативно-оценочную нагрузку отрицательности. В толковом словаре А.С. Кузнецова:

предвзятый – «сложившийся заранее, до ознакомления с кем-, чем-либо, без учёта действительных фактов; пристрастный». Однако «политизированный» в словаре имеет нейтральное значение. Отрицательная коннотация приобретает в контексте.

Мишень: украинские бандиты.

Иногда оценочность проявляется в таких нарративных конструкциях, как, например, *«Когда бандиты стали безобразничать и беспредельничать на майдане, мы туда должны были ввести войска или как? Объясните<...>»*[Интервью Министра иностранных дел России С.В.Лаврова газете и радиостанции «Комсомольская правда»; 31.05.2016].

Глаголы (**безобразничать, беспредельничать**) имеют разную стилистическую окрашенность. И если «безобразничать» отмечено «пометой разговорное». Глагол «беспредельничать» - неологизм, образованный от жаргоноида «беспредел». В словаре А.С. Кузнецова приводится следующее определение: «отсутствие правил, законов, ограничивающих чей-либо произвол; произвол, беззаконие».

Анализ рассмотренных контекстов показывает, что выявляются следующие типы оценок по классификации Н.Д. Арутюновой: психологические, этические и утилитарные.

3.3. Языковые способы выражения положительной оценки в речи

С.В. Лаврова

Объектами положительной оценки являются: МГИМО, Россия, Венгрия, Япония и др.

Объект оценки: членство в ВТО.

«Но то, что сейчас перед нами всеми, перед нашей экономикой стоит колоссальный вызов, вызов конкурентоспособности – я считаю это очень здоровым и полезным делом для нашего государства, для нашей страны»[Интервью телеканалу RussiaToday; 2.09.2013].

Способ выражения оценки эксплицитный. С.В. Лавров положительно оценивает членство России в ВТО, выражая это при помощи оценочных прилагательных «здоровый», в значении «правильный, разумный, хороший» и «полезный», в значении «приносящий пользу, способный приносить пользу».

Объекты оценки: МГИМО и Дипломатическая академия.

*«И помимо пополнения нашего кадрового потенциала **мы очень ценим** отношения с МГИМО и с Дип. академией в том, что касается научной исследовательской, аналитической работы»* [Интервью телеканалу RussiaToday; 2.09.2013].

Оценка выражена эксплицитно. В своем выступлении перед студентами МГИМО С.В. Лавров использует языковые средства положительной оценки. Ярким средством оценки выступает эмотивный глагол «ценить», имеющий 2 значения и употребленный во втором значении «признавать ценность кого-чего-нибудь».

Объект оценки: договоренности по Сирии и Ирану.

*«Договоренности по Сирии и Ирану **полезные**. Этот успех был обеспечен коллективными усилиями и в очередной раз доказал, что те или иные инициативы могут быть достижимы, только когда мы реализуем их сообща, по-честному, на основе баланса интересов, международного права»*[Интервью телеканалу RussiaToday; 24.12.2013].

Способ выражения оценки эксплицитный. Средством оценки в данном случае выступает прилагательное «полезный» в значении «приносящий пользу, способный приносить пользу».

Объект оценки: главы регионов и МИД РФ.

*«Накануне предстоящей в июле смены состава СГС (совет по гуманитарному сотрудничеству) хотел бы поблагодарить всех глав регионов за **активную** работу и выразить надежду на продолжение **плодотворного** сотрудничества»*[Совместная пресс-конференция по итогам переговоров с Первым заместителем Председателя Правительства,

Министром иностранных дел Республики Сербии И.Дачичем, Москва; 1.04.2016].

Оценка выражена эксплицитно. Оценочные прилагательные «плодотворный» в значении «благоприятный, полезный для развития чего-либо, способствующий успешному развитию чего-либо» и «активный» в значении «деятельный, энергичный». Употребленные в сочетании со словами «сотрудничество» и «работа» дают положительную оценку отношениям с главами регионов и МИД РФ.

Объект оценки: Япония, японцы.

«Мы готовы искать пути сотрудничества с нашими японскими соседями, это великая страна, большая нация, которая имеет очень непростую историю, включая историю, мягко говоря, плохих отношений со своими соседями».

Оценка выражена эксплицитно. С.В. Лавров положительно описывает своих японских коллег, а также народ Японии посредством следующих оценочных прилагательных «великий», в значении «выдающийся по своему значению, влиянию, по своим достоинствам; очень важный» и «большой» в значении «влиятельный».

Объект оценки: Россия.

«На самом деле они [ОБСЕ] знают, что мы великая страна»[Интервью Министра иностранных дел России С.В.Лаврова программе «Вечер с Владимиром Соловьевым» на телеканале «Россия 1», Москва; 25.12.2014].

Оценка выражена эксплицитно. В своих выступлениях, связанных с отношениями к другим странам, С.В. Лавров часто употребляет оценочное прилагательное «великий» в 1 значении «превосходящий общий уровень, обычную меру, значение, выдающийся», которое применяет как в отношении к России, так и к другим странам. Данная лексема, употребленное к России, а затем к другим странам указывает на толерантность политика, на

миролюбивую позицию его страны, на паритетность в отношениях между странами, что включает в себя, несомненно, положительную оценочность.

Объект оценки: Венгрия.

*«Венгрия – наш **важный** и **надежный** партнер в Европе. Отношения между двумя государствами обладают **добрыми** традициями и **хорошим** потенциалом. Высоко **ценим искренний** настрой венгерского руководства на их **дальнейшее поступательное** развитие, что, на наш взгляд, отвечает **коренным интересам наших стран и народов**».*

В своем интервью от 25 мая 2016 года, на вопрос об отношениях с Венгрией Министр использовал слова с положительной коннотацией, оценочные прилагательные «важный», «надежный», «добрый», «хороший», «искренний», «дальнейшее поступательное».

Объект оценки: встреча Патриарха Кирилла с Папой Римским Франциском.

*«**Высокоценим** вклад Русской Православной Церкви в общие усилия по оздоровлению ситуации в мировых делах, по недопущению межцивилизационных, межконфессиональных расколов. Историческая встреча Вашего Святейшества с Папой Римским Франциском стала значимой вехой на пути упрочения межхристианского согласия по **ключевым политическим, духовно-нравственным, социальным проблемам современности**» [Выступление Министра иностранных дел России С.В.Лаврова на приеме в МИД России по случаю православной Пасхи, Москва; 2.06.2016].*

Оценка выражена эксплицитно. С.В. Лавров использует языковые средства положительной оценки. Ярким средством оценки выступает эмотивный глагол «ценить», имеющий 2 значения и употребленный во втором значении «признавать ценность кого-чего-нибудь».

Объект оценки: открытие филиала МГИМО в г.Одинцово.

*«На самом деле, очень **хорошее** событие, **прекрасная** атмосфера. Думаю, интерес к этому филиалу будет очень большим»* [«Вести в субботу»; 4.06.2016].

Оценка выражена эксплицитно при помощи прилагательных «хороший» в значении «вполне положительный; такой, как должен быть, нужен, необходим» и «прекрасный» в значении «очень хороший; превосходный».

Объект оценки: Госсекретарь США Джон Керри.

*«Госсекретарь США – **опытнейший** политик, он долго работал в Сенате США, не один десяток лет возглавлял в Сенате Комитет по международным делам, тогда я с ним и познакомился. Он, конечно, **один из наиболее умудренных опытом и практической деятельностью политиков** с международной точки зрения. Он понимает, что происходит. Иногда мы говорим с ним о таких вещах. Порой у нас бывают прогулки вдвоем, когда мы проводим где-то свои встречи. Безусловно, в США есть люди, которые над этим думают»* [Интервью Министра иностранных дел России С.В.Лаврова телеканалу «Звезда»; 30.12.2015].

Оценка выражена эксплицитно. Описывая своего коллегу Джона Керри С.В. Лавров использует прилагательное в превосходной степени «опытнейший», показывая, что он профессионал своего дела, а также прилагательное «умудренный» в значении «способный легко понимать сущность явлений действительности; умный, знающий, проницательный».

Объект оценки: Ю.А. Гагарин.

*«Для меня, как и для миллиардов людей во всем мире Юрий Алексеевич Гагарин является космонавтом **№1**, **прославившим** нашу Родину, **олицетворившим** ее достижения. Конечно, в этом всенародном воодушевлении первым полетом человека в космос огромную роль сыграла личность Ю.А. Гагарина. Хорошо помню его улыбку, обаяние, искреннюю **доброжелательность** и **открытость**»* [Интервью для телеканала «RussiaToday»; 12.04.2016].

Оценка выражена эксплицитно. При описании первого человека в космосе С.В. Лавров использует «№1» в значении «лучший из всех в каком-либо отношении; отличный», конкретизируя это с помощью причастий «прославившим», «олицетворявшим», а также давая характеристику его личности существительными «доброжелательность» в значении «проявляющий доброе отношение, расположение к кому-, чему-либо, готовый содействовать благополучию кого-либо», «открытость» в значении «искренний; откровенный, прямой».

Объект оценки: конференция «Россия и Китай <...>».

Мы рассматриваем организованную Российским советом по международным делам (РСМД) совместно с Российско-китайским комитетом дружбы, мира и развития вторую конференцию «Россия и Китай: к новому качеству двусторонних отношений» как очень **хорошую** возможность для анализа нынешнего состояния и перспектив наращивания двустороннего сотрудничества, его влияния на мировую политику и экономику [Вторая Международная конференция «Россия и Китай: к новому качеству двусторонних отношений», Москва;31.05.2016].

Оценка выражена эксплицитно при помощи прилагательного «хороший» в значении «вполне положительный; такой, как должен быть».

Объект оценки: В.В. Жириновский.

«В.В.Жириновский – безумно талантливый человек, что признают даже те, кто с ним категорически не согласен по политическим вопросам. Он человек широчайшего кругозора, очень глубокой эрудиции, который многим ученым «даст фору». Несмотря на своеобразную манеру изложения, он очень хорошо владеет фактами, блестящий оратор и полемист»[Интервью Министра иностранных дел России С.В.Лаврова для фильма к юбилею В.В.Жириновского, Москва, 25.04.2016].

Оценка выражена эксплицитно при помощи прилагательных «талантливый» в значении «обладающий талантом; творчески одарен», «блестящий» в значении «выдающийся, замечательный», а также

прилагательного в превосходной степени «широчайший» в значении «отличающийся большим размахом в деятельности, щедростью в проявлении чувств».

Анализ рассмотренных контекстов показывает, что выявляются следующие типы оценок по классификации Н.Д. Арутюновой: психологические, этические, эстетические и утилитарные.

ВЫВОДЫ ПО 3 ГЛАВЕ

Понятие оценки, восходящее к слову «ценности», определяет особенности взаимодействия человека и окружающего мира. Человек определяет, что для него является хорошим, а что плохим. Он оценивает окружающий мир с точки зрения добра и зла, пользы и вреда и т.п. Оценка более чем какое-либо другое значение, зависит от говорящего.

В ходе проведенного анализа языковых средств оценки в речи С.В. Лаврова встречаются различные способы: лексическо-фразеологический (в котором нередки употребления стилистически окрашенных лексем (разговорный, высокий, просторечный и др.)), морфологический, синтаксический. Положительный предикат в речи политика представлен эксплицитно. Он выражается лексически и синтаксически.

Отрицательная оценка в интервью, в пресс-конференциях выражается следующими способами: лексическими средствами, фразеологизмами, прилагательными, существительными.

Таким образом, проанализированный материал дал возможности следующих выводов: отрицательная оценочность речи политика представлена более широко, чем положительная, что связано с политической нестабильностью в мире.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ теоретического и языкового материала позволил сделать следующие выводы, полученные в результате последовательного решения поставленных задач.

Антропоцентрическая парадигма современной лингвистики поставила во главу угла человека как творца языковой и речевой деятельности. Интеллект и индивидуальные особенности человека зачастую отражаются в его языке и речи. Именно поэтому, как считают исследователи, говорить о человеке можно только как о личности, воплощенной в языке.

Методика речевого портретирования в современном языкознании уже достаточно хорошо разработана. Но, несмотря на то, что в современном языкознании появляется все больше и больше работ, связанных с понятием «речевой портрет», однозначного определения этот феномен не имеет. В качестве рабочего в настоящем исследовании было использовано следующее определение: «речевой портрет – это разновидность характеристики языковой личности, в центре которой находится индивидуальная речевая манера конкретной (-ых) языковой (-ых) личности (-ей) в определенной коммуникативной ситуации. По речевому портрету можно судить о социальном положении, уровне образования, культурных предпочтениях, психотипических особенностях индивида или совокупной языковой личности».

В ходе анализа теоретико-методологических работ установлено, что под политическим дискурсом понимается текст, функционирующий в общественно-политической сфере и обладающий определенной тематикой, связанной с различными политическими вопросами. Политическая деятельность отражается в структуре политического дискурса, так как он является одной из форм политической деятельности.

Было установлено, что для достижения цели общения С.В. Лавров в беседе чаще всего использует 3 коммуникативные стратегии (аргументативная стратегия, информативно-интерпретационная стратегия, стратегия создания положительной тональности общения), которые свойственны для публичных выступлений, в том числе характерны и для политического дискурса.

Реализованы эти стратегии в речи С.В. Лаврова были при помощи следующих тактик: тактика иллюстрирования, тактика указания на перспективу, тактика контрастивного (сопоставительного) анализа, тактика признания существования проблемы, тактика разъяснения, тактика комментирования, тактика указания на путь решения проблемы, тактика выражения согласия, тактика комплимента и др.

В третьей главе нашего исследования приведена типология оценки.

Выявлены мишени отрицательной оценки и объекты положительной оценки в речи С.В. Лаврова. Положительный предикат в речи политика представлен эксплицитно. Он выражается лексически и синтаксически. Отрицательная оценка в интервью, в пресс-конференциях выражается следующими способами: лексическими средствами, фразеологизмами, прилагательными, существительными.

Сергей Лавров – доминантный собеседник, который в общении демонстрирует инициативу.

В целом, речь Сергея Викторовича Лаврова может быть интересна исследователям как речь одного из самых интересных и успешных политиков на мировой арене. Независимо от тональности общения, диалоги и монологи с его участием коммуникативно удачны и ведут к желаемому результату: донесению информации до адресата.

На наш взгляд, перспективной задачей исследования является изучение речевого портрета С.В. Лаврова с позиции компетентностного подхода.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азимов Э.Г. Шукин А.И. Словарь методических терминов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/> (дата обращения: 27.05. 2016).
2. Актуальные проблемы современной лингвистики / Составитель Л.Н. Чурлина. М.: Флинта: Наука, 2006. 416 с.
3. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
4. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцева. М.: СЭ, 1990. С. 6–137.
5. Асташова О.И. Речевой портрет политика как динамический феномен: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 2013. 28 с.
6. Ахманова А.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Едиториал УРСС, 2004. 576 с.
7. Балли Ш. Французская стилистика. М.: УРСС, 2003. 394 с.
8. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
9. Богин Г.И. Концепция языковой личности [Электронный ресурс]/ Г.И. Богин: автореф. дисс. ... д. филол. наук. М., 1982. URL: <http://www.rsl.ru> (дата обращения: 16.02. 2016).
10. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дис...д-ра филол. наук: 10.02.01. Л., 1984. С. 3–9. URL: <http://www.rsl.ru> (дата обращения: 16.02. 2016).
11. Борисова И.Н. Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге // Русская разговорная речь как явление городской культуры / Под ред. Т.В. Матвеевой. Екатеринбург: АРГО, 1996. С. 21–48.
12. Бойко Б.Л. Принципы моделирования речевого портрета носителя социально-группового диалекта (к проблеме создания речевого портрета

человека на войне) // Вестник Военного университета. 2008. № 2. С. 114 – 121.

13. Вендина Т. И. Семантика оценки и её манифестация средствами словообразования // Славяноведение. №4. 1997.

14. Виноградов В. В. Проблемы русской стилистики. М.: Высшая школа, 1981. 320 с.

15. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1986. 640с.

16. Винокур Т.Г. Речевой портрет современного человека // Человек в системе наук М.: Наука, 1989. С. 361–370.

17. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.

18. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. №1. С. 64–72.

19. Воробьев В.В., Панова М.Н. Языковая личность государственного служащего: опыт лингвометодического исследования // Русская речь: научно-популярный журнал / Гл. ред. В.Г. Костомаров. М., 2005. №2. С. 5–9.

20. Воробьев В.В. Языковая личность и национальная идея // Народное образование. М., 1998. №5. С. 25–30.

21. Гафарова А.С. Речевой портрет: социолингвистические характеристики: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Казань, 2007. 78 с.

22. Головин Б.Н. Как говорить правильно. Заметки о культуре речи. М.: Высшая школа, 1988. 160 с.

23. Голубева И.В. Опыт создания коллективного речевого портрета (на материале экспрессивного синтаксиса мемуарной прозы): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Таганрог, 2001. 220 с.

24. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Издательство Прогресс, 2000. 400 с.

24. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
25. Дейк ван Т.А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации . М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.
26. Демьянков В.З. Теория речевых актов в контексте современной лингвистической литературы: (Обзор направлений) // Новое в зарубежной лингвистике: Вып.17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1982. С. 223–235.
27. Желтухина М.Р. Волюнтативная функция комического в политическом дискурсе // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград: Перемена, 2000. С. 71–79.
28. Зайцева Е.Л. Выражение отрицательной оценки в политическом дискурсе: опыт сравнительно-сопоставительного исследования российских и французских печатных средств массовой информации: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Чебоксары, 2006. 201 с.
29. Золотова Г. А. Коммуникативный аспект русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 386 с.
30. Иссерс О.С. Коммуникативный портрет языковой личности (на материале писем Сергея Довлатова) // Активные языковые процессы конца XX века: Тез. Докл. Междунар. Конфер.: IV Шмелевские чтения. М.: Азбуковник, 2000. С. 61–63.
31. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. М.: УРСС, 2006. 288 с.
32. Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: ИЯ РАН, 1992. 330 с.
33. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография; Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
34. Карасик В.И., Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типаж: Сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Карасика. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 5–25.

35. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Издательство ЛКИ, 1987. 264 с.
36. Караулов Ю.Н. Предисловие. Русская языковая личность и задачи ее изучения [Электронный ресурс]. М., 1989. С. 3–8. URL: http://destruction.narod.ru/karaulov_jasikovaja_lichnost.htm (дата обращения: 15.12.2015).
37. Кибрик А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов [Электронный ресурс]: URL: http://iling-ran.ru/kibrik/Discourse_classification@VJa_2009.pdf (дата обращения: 19.01.2016).
38. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Русский речевой портрет // Русская речь. М., 1995. №1. С. 7–26.
39. Коробова Н.В. Мелиоративные коммуникативные стратегии современной английской речи (на материале британского ареала): автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04. Нижний Новгород, 2007. 17 с.
40. Кочеткова Т.В. Речевые портреты носителя элитарной речевой культуры // Античный мир и мы. Саратов, 2002. № 8. С. 130–140.
41. Кошлякова М.О. О речевом аспекте имиджа // Русская речь: научно-популярный журнал. М., 2007. №2. С.13–19.
42. Крысин Л.П. Современный русский интеллигент: штрихи к речевому портрету // Литературный язык и культурная традиция. М., 1994. С. 25–37.
43. Крысин Л.П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Рус.яз. в науч. освещении. 2001. № 1. С. 90–106.
44. Крысин Л.П. Речевой портрет интеллигента // Журналистика и культура рус. речи. 2002. № 4. С. 26–31.
45. Крысин Л.П. Социальный аспект владения языком [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philology.ru> (дата обращения: 03.03.2016).
46. Леорда С.В. Речевой портрет современного студента: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01. Саратов, 2006. 21 с.

47. Макеева С.О. лингвокультурный типаж в круге смежных понятий [Электронный ресурс] // URL: http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/11/1/apgrr_2014_3_14.pdf (дата обращения: 16.04.2016).

48. Маркелова Т. В. Семантика и прагматика средств выражения оценки в русском языке // НДВШ. Филологические науки. 1995. № 3. С. 67–80.

49. Маслова В.А. Лингвокультурология / М.: Академия, 2001. 183 с.

50. Матвеева, Г.Г. Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица (“портрета”) говорящего [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993. URL: <http://www.rsl.ru> (дата обращения: 16.02.2016).

51. Михальская А. К. Русский Сократ. Лекции по сравнительно-исторической риторике: Учебное пособие для студентов гуманитарных факультетов. М.: Академия, 1996. 189 с.

52. Негров Е.О. Трансформация официального политического дискурса в современной России: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 23.00.02. СПб., 2008. 21 с.

53. Одинцов В.В. Структура публичной речи. М.: Знание, 1976. 80 с.

54. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1989. 750 с.

55. Осетрова Е.В. Губернатор Красноярского края: наброски к речевому портрету // Российский лингвистический ежегодник. 2007. Красноярск, 2007. Вып. 2. С. 124–138.

56. Паршина О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения политической элиты России [Электронный ресурс]: дис. ... д-ра.филол. наук: 10.02.01. Саратов, 2005. URL: <http://www.rsl.ru> (дата обращения: 9.02.2016).

57. Погорелова С. Д., Яковлева А. С. Основные языковые средства выражения оценочного значения (на примере политических речей Отто фон Бисмарка) // Филологические науки в России и за рубежом: материалы междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, февраль 2012 г.). СПб.: Реноме, 2012. С. 162–165.

58. Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс: Учеб. пособие. М.: Изд-во «Флинта: Наука», 2004. С. 3–73.
59. Розина Р.И. Человек и личность в языке // Логический анализ языка: Культурные концепты. Вып. 4. М., 1991. С. 52–56.
60. Седов К.Ф. Портреты языковых личностей в аспекте их становления // Вопросы стилистики. Саратов, 1999. Вып.28. С. 3–29.
61. Седов К.Ф. Типы языковых личностей по способности к кооперации в речевом поведении // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2000. 209 с.
62. Серио П. Квадратура смысла. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. 416 с.
63. Сковородников А. П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Томск: 1984. 255 с.
64. Сковородников А.П. О содержании понятия “национальный риторический идеал” применительно к современной российской действительности // Теоретический и прикладные аспекты речевого общения: науч.-метод. бюл. Выпуск 5(5). Красноярск-Ачинск: Краснояр. ун-т, 1997. С. 27–37.
65. Сковородников А.П. К методологии разработки и представления русского риторического идеала // Филологические науки. 1999. №5. С. 81.
66. Сковородников А.П. О необходимости разграничения понятий «риторический прием», «стилистическая фигура», «речевая тактика», «речевой жанр» в практике терминологической лексикографии // Риторика ↔ Лингвистика. Вып. 5. Смоленск: СГПУ, 2004. С. 5 –11.
67. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во УГРУ, 1999. 432 с.
68. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2002. 215 с.
69. Стернин И.А. Практическая риторика. М.: Эксмо, 2003. С. 29 –47.
70. Труфанова И.В. О разграничении понятий: речевой акт, речевой жанр, речевая стратегия, речевая тактика // Филологические науки, 2001. №3. С. 56–65.

71. Филиппов А.В., Романова Н.Н. Публичная речь в понятиях и упражнениях: Справочник: Учеб.пособие для студ. высш. учеб. Заведений. М.: Изд. центр «Академия», 2002. 160 с.
72. Чернявская В.Е. Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. СПб, 2001. С. 14–20.
73. Черняк В.А. наброски к портрету маргинальной языковой // Русский текст. №2. СПб., 1994. С. 115–130.
74. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: Учеб. пособие. М.: Издательства «Флинта», «Наука», 2006. 254 с.
75. Фомина Ю.А. Аспекты изучения языковой оценки [Электронный ресурс]: URL: <http://www.lib.csu.ru/vch/098/149.pdf> (дата обращения: 27.04.2016).
76. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
77. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса [Электронный ресурс]: дис. ... д-ра.филол. наук: 10.02.01. М.: РГБ, 2005. URL: <http://www.rsl.ru> (дата обращения: 21.02.2016).
78. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи – Саратов: Колледж, 1997. Вып.1. С. 88–99.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Образец 1

Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В.Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с заместителем Премьер-министра, Министром иностранных дел Иордании Н.Джодой, Москва, 9 июня 2016 года.

Уважаемые дамы и господа,

Мы провели очень подробные, доверительные и содержательные переговоры, уделив приоритетное внимание проблемам, связанным с сирийским урегулированием.

Подтвердили нашу приверженность всем тем решениям, которые были достигнуты в Международной группе поддержки Сирии (МГПС) и затем одобрены СБ ООН в его резолюциях 2254 и 2268.

На данном этапе особое внимание уделяется обеспечению полного и неукоснительного соблюдения режима прекращения боевых действий при четком понимании, что из этого режима исключены ИГИЛ, «Джабхат ан-Нусра» и те, кто с ними сотрудничает. А также при понимании, что необходимо перекрыть контрабанду оружия и незаконную инфильтрацию боевиков в Сирию из-за границы, прежде всего через турецкую территорию.

Решение этих задач сделает более эффективной работу по расширению гуманитарного доступа. Вместе с тем, уже сейчас мы наблюдаем значительный прогресс в деле доставки гуманитарной помощи нуждающемуся населению. Отмечаем конструктивные усилия, которые предпринимает сирийское Правительство. Считаем, что здесь, тем не менее, можно сделать еще больше.

При всей важности задач прекращения боевых действий и доставки гуманитарной помощи, решающую роль в урегулировании сирийского кризиса должны играть политические переговоры, которые мы все обязались поддерживать в виде инклюзивного межсирийского диалога без каких-то предварительных условий и без вмешательства извне.

У нас вызывает озабоченность явное замедление усилий по продвижению переговорного процесса. По крайней мере, мы считаем, что очередной раунд межсирийских переговоров должен состояться как можно скорее.

Мы договорились продолжать сотрудничество в двустороннем формате и в рамках МГПС. Понимаем те озабоченности, которые испытывает Иордания в связи с влиянием на эту страну сирийского кризиса, прежде всего в виде огромного количества беженцев.

Задача борьбы с терроризмом является общей для усилий международного сообщества в том, что касается сирийского кризиса и ситуации в Ираке, о чем сегодня также подробно говорилось.

Убеждены, что в отношении Ирака международное сообщество должно, с одной стороны, активнейшим образом поддерживать антитеррористические усилия иракского Правительства, а с другой, поощрять внутрииракский диалог с целью выработки механизмов достижения национального согласия.

Обменялись мнениями о положении дел в палестино-израильском урегулировании, в том числе с учетом состоявшихся на этой неделе визитов в Российскую Федерацию Премьер-министра Израиля Б.Нетаньяху и Министра иностранных дел Палестины Р.Малики.

У нас общая позиция, Россия и Иордания убеждены, что соответствующие резолюции СБ ООН, Мадридские принципы, Арабская

мирная инициатива заложили прочную основу, на которой необходимо добиваться всеобъемлющего урегулирования.

Мы признательны нашим иорданским друзьям за последовательную поддержку деятельности «квартета» международных посредников. В свою очередь мы подтвердили нашу позицию в пользу налаживания самого тесного взаимодействия между «квartetом» и представителями Лиги Арабских Государств, в том числе, чтобы отстоять перспективу двугосударственного решения палестинской проблемы, при которой Палестина и Израиль, как независимые государства будут жить в мире и безопасности друг с другом и со всеми странами региона.

Обсудили двусторонние отношения. С обеих сторон было высказано удовлетворение их поступательным развитием. Недавно вступило в силу межправительственное соглашение о строительстве в Иордании атомной электростанции. Реализация этого важного проекта будет иметь очень важное значение, прежде всего для Иордании и для нашего сотрудничества.

Есть обоюдная заинтересованность в том, что касается наращивания поставок в Россию иорданской сельскохозяйственной продукции, повышения числа российских туристов, которые посещают Иорданию. Об этих и других вопросах шла речь на недавнем заседании российско-иорданской Межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству. Подтвердили приверженность выполнению всех договоренностей, достигнутых в рамках этого заседания.

Важное место в нашем сотрудничестве занимают военно-технические связи, которые также развиваются к удовлетворению обеих сторон.

Сегодня мы с моим другом, Министром иностранных дел Иордании Н.Джодой могли констатировать, что договоренности, достигнутые между Президентом России В.В.Путиным и Королем Иордании А. ибн Хусейном, в

целом выполняются. Два министерства иностранных дел будут продолжать сопровождать усилия наших соответствующих ведомств.

Министр иностранных дел Н.Джода пригласил меня посетить Иорданию с ответным визитом. Я с удовольствием принял это приглашение.

Вопрос (адресован Н.Джодe): Только что Вы упомянули, что в ходе переговоров обсуждалась ситуация с беженцами, а также сотрудничество в рамках МГПС. Есть ли какая-либо форма координации «на земле» между двумя странами?

С.В.Лавров (добавляет после Н.Джоды): Добавлю только, что мы с иорданскими друзьями взаимодействуем как в МГПС, так и по двусторонним каналам. Как вы помните, в Аммане в свое время был создан российско-иорданский информационный центр, который весьма полезен для согласования практических действий между Россией и Иорданией и является очень эффективным механизмом для того, чтобы российские военные поддерживали контакты с американскими коллегами по вопросам, связанным с антитеррористической борьбой в Сирии.

Вопрос: В некоторых израильских СМИ появилась информация, что недавний визит Премьер-министра Израиля Б.Нетаньяху в Москву ознаменовал новый этап российско-израильских отношений, характеризующийся более тесным сотрудничеством. В этой связи Израиль якобы готов предоставить России функцию главного посредника в палестино-израильском урегулировании. Насколько достоверна эта информация?

С.В.Лавров: Действительно, как в очередной раз на этой неделе подтвердил визит в Россию Премьер-министра Израиля Б.Нетаньяху, наши отношения обретают очень устойчивое новое позитивное качество. Помимо глубоких взаимных симпатий наших народов друг к другу, помимо наличия очень

перспективных взаимовыгодных экономических и инвестиционных проектов, нас сближает еще практически очень близкое видение проблем региона и, прежде всего, понимание необходимости бескомпромиссной борьбы с терроризмом без каких бы то ни было двойных стандартов. Я убежден, что урегулирование палестино-израильского конфликта и в более широком смысле арабо-израильского конфликта, конечно, помогло бы не допускать, чтобы молодежь арабских стран становилась легкой добычей для вербовщиков из «террористического интернационала».

Насчет того, кто является или может являться главным посредником в палестино-израильском урегулировании, то замечу, что общепризнанным посредником является «ближневосточный квартет» в составе России, США, ЕС и ООН. На разных этапах деятельности этого координационного механизма то один, то другой его участник брали на себя инициативу по продвижению мирного процесса и поиску компромиссов, когда ситуация заходила в очередной тупик, но неизменно все это делалось в русле принципиальных параметров, одобренных в рамках «квартета» и поддержанных во многих резолюциях Совета Безопасности ООН. Россия, действительно, имеет очень хорошие и доверительные отношения и с палестинцами, и с израильтянами, и мы готовы использовать это свое сравнительное преимущество максимально активно для того, чтобы все-таки преодолеть нынешний тупик и выйти на возобновление прямых переговоров. Как я уже сказал, мы будем делать это в рамках единой позиции «квартета» и сохраняя в полной мере солидарность этой «четверки». Мы также будем продвигать значение самого тесного взаимодействия между «квартетом» и ЛАГ, как автора Арабской мирной инициативы, имеющей важнейшее значение для наших дальнейших усилий.

Вопрос: На каком этапе находится процесс размежевания умеренной оппозиции и террористических группировок в Сирии? На прошлой неделе Вы сказали, что сроки, данные оппозиции, уже подходят к концу. Какие

меры будет предпринимать Российская Федерация? И какую роль в этом может сыграть Иорданское Хашимитское Королевство?

С.В.Лавров: Я считаю, что это очень важный вопрос с точки зрения эффективности всех наших усилий по недопущению триумфа террористов в Сирии и по продвижению межсирийского политического диалога.

С момента одобрения СБ ООН решений МГПС прошло уже много месяцев, времени больше, чем достаточно для любого вооруженного формирования, чтобы сделать свой выбор – присоединиться к режиму прекращения боевых действий или нет. Поэтому мы нашим американским партнерам, как лидерам известной коалиции эту мысль высказали и напомнили им о том, что дальше ждать уже будет контпродуктивно с точки зрения наших общих антитеррористических задач. Наряду с «Джабхат ан-Нусрой» и ИГИЛ, все те вооруженные формирования, которые либо не присоединились к режиму прекращения боевых действий, либо присоединились, но нарушают его, должны понести всю полноту ответственности. Рассчитываю, что наши американские коллеги, которые согласились с этой логикой, присоединятся к нам в практических действиях, чтобы не позволять использовать нынешнюю ситуацию для укрепления позиций террористов «на земле».

Образец 2

Интервью Министра иностранных дел России С.В.Лаврова для программы «Вести в субботу», 4 июня 2016 года

Вопрос: Пора переименовывать МГИМО в областной вуз?

С.В.Лавров: Наверное. На самом деле, очень хорошее событие (открытие филиала МГИМО в г.Одинцово), прекрасная атмосфера. Думаю, интерес к этому филиалу будет очень большим.

Вопрос: Не важно, городской или областной – это государственный институт.

С.В.Лавров: Для начала скажу, что это филиал МГИМО, но дипломы будут одинаковые. Будет даже возможен «перелив» из головного университета в филиал и наоборот.

Вопрос: Что происходит с вооруженной миссией ОБСЕ на Украине? Каждый день приходят новые уточнения со стороны Москвы или Киева.

С.В.Лавров: Выдавать желаемое за действительное всегда можно, но нечистоплотно передергивать то, о чем говорят на высшем уровне по телефону или при личных встречах.

Действительно, украинские представители и сам Президент Украины П.А.Порошенко в последние два-три месяца просто одержимы тем, что нужно обязательно обеспечить какие-то силы безопасности на всей территории Донецкой и Луганской республик, и только после того, как все эти территории будут взяты под международный вооруженный контроль, будет возможно проводить реформы, объявлять выборы, менять конституцию и т.д. Разговор на высшем уровне в итоге вращался вокруг того, что нужно повысить эффективность работающей там миссии ОБСЕ. Президент России В.В.Путин выступил за то, чтобы нарастить, прежде всего, потенциал этой миссии на линии разграничения. Мы поддержали создание на этой линии нескольких зон безопасности.

Вопрос: Об этом говорил Президент В.В.Путин в ходе прямой линии, назвав это не худшей идеей?

С.В.Лавров: Да, и создать на этой линии несколько зон безопасности в самых тревожных районах, разместить там дополнительное количество наблюдателей ОБСЕ, сделать так, чтобы они предотвращали попытки

вернуться в освобожденные от вооруженных сил Украины территории (такие попытки были, в частности, в Широкино).

Второе, что мы предложили, чтобы в местах складирования тяжелой техники, куда она отводится в соответствии с Минскими договоренностями и откуда часто пропадает, тоже были усиленные круглосуточные наряды наблюдателей ОБСЕ – как по восточную сторону от линии разграничения, так и на территории, которую контролируют вооруженные силы Украины. Также мы сказали, что будем готовы, если это поможет делу, согласиться на то, чтобы решением ОБСЕ эта дополнительная группа наблюдателей, которая будет контролировать линию разграничения и места складирования тяжелых вооружений, имела право носить личное оружие.

Вопрос: То есть, не только каски, но и личное оружие?

С.В.Лавров: Пистолеты для самообороны. Эта практика имеет место. Можно считать, что это элемент полицейских функций, но, прежде всего, это охрана и мониторинг ненарушения линии отвода и мест складирования. Более того, мы были бы готовы (сейчас это обсуждается в ОБСЕ) поддержать одно из вызревших в недрах секретариата ОБСЕ предложений, касающееся дополнительных мер по обеспечению безопасности в ходе выборов. Мы предложили еще дополнить эту миссию ОБСЕ, а вернее создать отдельную группу наблюдателей на период выборов, которые вместе с народной милицией Донецка и Луганска ходили бы и смотрели, как обеспечивается безопасность. Это то, о чем говорили, и все это, повторю, вписывается в размышления, которые идут внутри ОБСЕ.

Вопрос: Почему же это не реализовывается? Потому что украинцы хотят, чтобы эта миссия стояла и на российско-украинской границе? В чем «камень преткновения»?

С.В.Лавров: Об этом мы никогда не договаривались. Украинцы хотят этого постоянно, но им многократно объясняли, что пока нет амнистии, закона об

особом статусе, который действительно будет гарантировать дополнительные права этим территориям, пока эти права в рамках особого статуса не закреплены в конституции Украины на постоянной основе, трудно рассчитывать на то, что Донецк и Луганск согласятся «авансом» выполнять то, что по Минским договоренностям должно завершать политический процесс, а не быть его предварительным условием.

Вопрос: Можно предложить фантастическую теорию? Сейчас ходит упорный слух, что в Верховной Раде Украины вот-вот появятся соответствующие законы, за которые, может быть, проголосует украинская Рада. Да, они не были согласованы с Донецком и Луганском и по этой причине автоматически вызывают у них неприятие. Знаю, что Вы обратились к французам и немцам как к партнерам по «нормандской четверке», чтобы обсудить этот вопрос. Возвращаюсь к фантастической теории. В Киев приезжала заместитель Госсекретаря США В.Нуланд. Может, американцы заставят Украину принять приемлемый для этих республик закон?

С.В.Лавров: Я уже имел возможность высказывать свои комментарии на эту тему. По нашим оценкам, которые основываются на информации из самых разных источников, сейчас США действительно наращивают давление на украинскую сторону с тем, чтобы она выполнила Минские договоренности в части, касающейся ее. В этой части основная масса политических договоренностей целиком зависит от того, как Киев будет договариваться с Донецком и Луганском.

Что касается выхода на границы с Российской Федерацией республик внутри Украины: если украинцы договорятся с Донецком и Луганском, то ради бога. Но это должна быть именно договоренность с ними, поскольку они, конечно, не забыли звучавшие и продолжающие звучать из Киева угрозы, что «это бандиты, террористы, преступники, место им в тюрьме и никогда в жизни руководители нынешних республик не будут рассматриваться украинцами как приемлемые партнеры, а тем более участники выборов».

Все в руках Киева. В договоренностях, подписанных в Киеве в феврале 2015 г. четко зафиксировано, что надо напрямую говорить и договариваться, а не проконсультироваться, а потом сделать по-своему. Там написано, что с Донецком и Луганском должно быть согласовано все, что касается изменения конституции, особого статуса Донбасса и модальности проведения выборов.

Вопрос: Кто пойдет служить в эту, фактически вооруженную, миссию ОБСЕ? Нужно ли голландцам, французам, итальянцам нести службу на линии разграничения в совершенно непонятном для них конфликте?

С.В.Лавров: Как я уже сказал, мы были бы готовы согласиться на то, чтобы снабдить дополнительных наблюдателей личным оружием, но это вызывает неприятие очень многих членов ОБСЕ.

Вопрос: Кроме СНГ?

С.В.Лавров: Нет, всегда можно найти приемлемый национальный состав миссии наблюдателей. Здесь речь не о том СНГ или не СНГ, а о том, что опыт такого рода мероприятий по линии ОБСЕ и ООН показывает, что очень часто безоружные наблюдатели более защищены, чем при наличии личного оружия.

Повторю, мы готовы на такой компромисс. Дело за остальными нашими партнерами.

Вопрос: Кажется ли Вам то, как проголосовал Бундестаг ФРГ по поводу геноцида армян в Османской империи, сигналом для Президента Турции Р.Т.Эрдогана, что дружба с Европой закончилась?

С.В.Лавров: Думаю, что это просто волеизъявление Парламента Германии – Бундестага. Рассматриваем его в качестве такового.

Наверное, сыграли роль какие-то соображения, которые сподвигли инициаторов этого голосования предложить сделать это именно сейчас, но я

не могу спекулировать на эту тему. Естественно, мы узнали, что готовится такое голосование, но в самый последний момент.

Вопрос: Пусть турки сами разбираются.

С.В.Лавров: Полагаю, все это в конечном итоге идет от нежелания Турции быть действительно партнером в целом ряде вопросов, из-за ее попыток периодически устраивать скандалы, оскорблять своих партнеров, в том числе в Европе. Считаю, что их реакция на решение Бундестага совершенно неадекватная.